

ДАША АРТ

ВДОВА МОЕГО БРАТА

Даша Art

Вдова моего брата

«Литнет»

2025

Art Д.

Вдова моего брата / Д. Art — «Литнет», 2025

Ее муж умер, оставив ей деньги, недвижимость и власть. К ним всего лишь прилагалось две просьбы. Одну она выполнила с удовольствием, а чтобы исполнить вторую, придется напрячься. Жизнь за жизнь. Соглашаясь, Эва не ожидала, чем для неё обернется поиск. Она не подозревала, с какими трудностями ей придется столкнуться. И что на пути встретит всё то, от чего так поспешно бежала в Италию. Когда умер его старший брат, оставив всё имущество молодой жене, Ремо решил во что бы то ни стало забрать фамильное наследство. Пусть для этого даже придется соблазнить саму вдову. Единственное, что он не рассчитал - вдова ведёт свою игру, и Ремо в ней лишь пешка. Какие тайны она хранит? Кого ищет? И почему его брат женился на неизвестной русской девушке? Ремо только предстоит найти ответы на все интересующие его вопросы.

© Art Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

POV Ремо

На нос упала первая капля. Разрешаю ей скатиться вниз, имитируя слезу. Глаза же остаются сухими.

Поднимаю голову, чтобы посмотреть на мрачные тучи. Сами небеса оплакивали смерть моего старшего брата. Безликая, унылая сырость. Лишь пожелтевшие деревья скрашивают тусклый пейзаж. Ветер рьяно колыхает ветви, отчего листья срываются, падают на жухлую траву, оставшуюся после жаркого лета.

Прикрываю глаза, устало выдыхая. Плечи давит под тяжким грузом ответственности. Я уже давно тяну на себе бремя главы семьи, хоть и не являюсь им по праву рождения.

Прошло пять лет, как Марко отошёл от дел. Сперва я думал, что он вымотался, решил сделать перерыв, заодно дав мне шанс проявить себя. Значительно позже я узнал, что причиной стала болезнь, с которой брат боролся до последнего вдоха.

Вздыхаю, осознавая: жизнь уже никогда не будет прежней, хоть по сути ничего не изменится. Мать продолжит идеализировать брата, сестра вторить ей, словно попугай в золотой клетке, а я сожму кулаки, как делал всякий раз, сталкиваясь с очередной задачей, и решу проблему, какой бы она ни была.

Похороны подошли к концу. Брат занял почётное место среди наших предков, став именем на надгробии. Мы никогда не были близки: сказала разница в возрасте. Он был старше на пятнадцать лет и не особо обращал на меня внимания.

Когда умер наш отец, мне было пять лет, Джо – три: обязанности сами упали в руки Марко. Слишком рано. Возможно, именно это привело к истощению организма. Я видел его тело перед кремацией. Он больше походил на скелет, чем на взрослого мужчину, каким когда-то являлся.

Дождь не набирает обороты, но периодически напоминает о себе. Обстановка помпезно-унылая. Дорогое надгробие как сожаление обо всех ссорах, желание очиститься, показать былую любовь.

Морщусь. Будто ему сейчас есть до этого дело. Причина конфликта с братом весьма реальна и до сих пор является мишенью.

Глаза сами находят одинокую фигуру в стороне. Простое чёрное платье в пол с длинными рукавам висело бы на ней балахоном, если бы не корсет.

Девушка едва держалась на ногах, качаясь вместе с порывистым ветром. Её лицо скрыто тёмной вуалью, но я точно знал, кто она, хотя никогда не видел.

Вдова моего брата.

Эва Де Сантис.

Мама отзывалась о ней исключительно как о бесчестье и чуме, свалившейся на нашу семью.

- Какой позор! Унижение! Рауль в гробу крутится, словно баран на вертеле! – упрекала она Марко при каждом удобном случае. Именно по этой причине брат перестал навещать её и нашу сестру, во всём подражающую матери. – *Чужако моё сердце: ему нельзя было ехать в ту дикарскую страну. Слышала я, как эти вертихвостки завлекают мужчин. Сирены! Ламии! Ох, как он мог?*

Для меня оставалось загадкой, почему брат не просто привёз с собой русскую девушку, но и женился на ней. Слышал от знакомых, что она красива, но не мог лично убедиться. Свадьба была поспешной, а я был в командировке. К моему возвращению, мать уже успела разругаться с Марко в пух и прах, после чего он закрыл двери фамильного поместья, никому не позволяя вторгаться в их жизнь с молодой женой.

Теперь она стала вдовой. Если верить слухам, Марко завещал ей всё наше наследие. Станет ли эта девушка в чёрном одеянии моим врагом - будет известно в ближайшее время. Пока же она просто крестик в моём блокноте.

Прощание подошло к концу. Скорбящие постепенно возвращались в дом, мама коснулась моего локтя.

- Идём.

- Да, сейчас.

Джио обняла маму за плечи, повела по вымощенной дорожке, соединяющей дом и фамильное кладбище Де Сантис. Вокруг никого не осталось, только я и девушка с вуалью на голове.

Она не видела меня и даже не слышала. Видимо, решила, что осталась одна среди безмолвных плит. Её плечи опустились, она сгорбилась, наклоняясь, положив ладонь на надгробие.

Настолько худая, что, казалось, выступал каждый позвонок. Спина словно вот-вот переломится пополам. Я хотел шагнуть к ней, но повременил, услышав хриплый всхлип, после которого девушка заговорила. Хмурюсь, думая, что меня поймали, но быстро понимаю: она обращается вовсе не ко мне. Да и говорит на родном языке.

- Ты меня обманул, - голос её скрипел, будто простуженный. – Обещал, но не выполнил. – Интонация меняется, свидетельствуя о накачивающей злости. – Эгоист! Как ты мог? – Ярость оборачивается отчаянием. Из её лёгких вырывается свист, а затем горестный стон. - Что мне теперь делать? Как прикажешь жить?

Надгробие достаёт ей до бедра. Она стучает кулаком по камню, рычит от бессилия. Сострадание никогда не было частью моего характера, но на считанные секунды мне становится её жалко.

- Ладно, - смирение. - Я сделаю, что ты просил. Всё сделаю, слышишь? Жизнь за жизнь.

Ветер не даёт мне задуматься о сказанном. Он присоединяется к женскому гневу, невидимой рукой смахивает вуаль, давая ей встретиться со свежим осенним воздухом, открывая лицо.

Пресс напрягается. Ком в горле скатывается по пищеводу. Я вижу лишь заострённый профиль и длинную шею с бледной кожей: и этого достаточно, чтобы задержать дыхание.

Она дрожит, словно лист на старом дереве, склонившемся над могилами наших дедов и прадедов. Тот же нахальный ветер налетел и сорвал с него оранжево-красную охапку, покружил и ударил по ногам девушки. Передо мной словно ожила мглистая картина неизвестного художника. Завораживает своим скорбным очарованием.

Вдова выпрямляется, словно отрезвев. Горесть отступает. Она вскидывает подборок и медленно разворачивается, заметив, что всё это время была не одна.

Теперь я могу увидеть её лицо полностью. Угловатые скулы с рассыпанными веснушками, небольшой прямой нос, густые дуги бровей и под ними раскосые серовато-голубые глаза, окружённые тёмными трепещущими ресницами.

Желание в полной мере оценить красоту девушки заставляет взгляд спуститься ниже. Но я вижу лишь излишнюю стройность, без изгибов и приятных округлостей. Не могу не задаться вопросом: что заставило её похудеть до такой степени?

- Вы Ремо? – обращается она ко мне, не здороваясь. Поднимаю одну бровь в качестве вопроса. – Знаю, что вы меня понимаете: Марк рассказывал.

Неужели? Не думал, что он вообще помнил о моём существовании.

Я решаю идти тем же путём.

- Вы Эва? – уточняю очевидное, чтобы не подать вида заинтересованности.

- Да, - она изящно поправляет вуаль, откидывая её назад, словно траурную фату. – Хотите мне что-то сказать?

- С чего вы взяли?

- Иначе бы вы ушли вместе со всеми. И вы остались единственным, кто не поделился со мной своим мнением относительно моей же персоны в вашей семье.

Усмехаюсь. Думаю, так оно и есть. Только вот...

- Я не собираюсь ничем с вами делиться.

Девушка выходит на каменную дорожку, ведущую к крыльцу дома.

Семейное поместье представляло собой архитектурное сооружение в стиле барокко, созданным для привлечения внимания к фамилии. Куча комнат, которые не использовались со времён прадедов; сложная геометрия пространства; неудобные замысловатые лестницы; а также скульптурные украшения, неумолимо рассыпающиеся под воздействием главного врага исторических монументов – времени.

Дом окружает лес, служащий естественным ограждением. На радость женской части семьи со всех сторон здания разбились сады. У каждой жены, вдовы, дочери образовалось место для чтения книг из фундаментальной библиотеки или прогулок, скрашивающих безбедное существование. Но по сути это были сплошные лабиринты, в которых запросто можно было заблудиться, если сойти с тропы.

Я никогда не гулял вокруг имения, лишь оплачивал внушительные счета. Содержание такого поместья вытягивало из семьи круглую сумму каждый месяц. Всё это делалось, чтобы каждый посетитель ахнул от величия и богатства. Была бы моя воля, я бы превратил дом в музей, но мать никогда этого не позволит. Я могу лишь уступить, продолжая заботиться о поддержании его в надлежащей форме.

- Тогда вы просто решили оценить противника, - выдаёт вдова версию - правдивую, надо признать.

- Мы с вами противники? – заинтересованно прищуриваюсь, но в моей интонации нет и намёка на изумление. – Разве?

Не останавливаясь, она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня без капли ужимки или смятения.

- К чему притворство? – Девушка двинула рукой, словно отмахиваясь. - Прямо сейчас ваши родственники устраиваются в кабинете, чтобы дожидаться оглашения завещания. Хотя и так уже подозревают итог.

- Поэтому вы не спешите? Потому что знаете содержание завещания?

Синьора остановилась, но только чтобы ещё раз посмотреть на могилу своего супруга.

- Я хотела побыть с ним подольше. В конце концов, это, вероятно, моя последняя возможность.

Не говоря больше ни слова, вдова бросилась к дому. Я не спешил её догонять, пойманный в ловушку слов.

Последняя возможность посетить могилу? Почему?

Кулаки сжимаются, когда на ум приходит только одно объяснение. Иностранка уверена, что уже завладела фамильным имением и решила избавиться, продав. Деньги баснословные, но разве брат не оставил ей миллионы наличными?

Нервно поправляю галстук, принимая решение.

Я не позволю какой-то охотнице за состоянием разграбить семейное наследие. Многие знают, что лучше никогда не переходить мне дорогу. Я всегда получаю то, что хочу. Любыми методами.

На данный момент моя цель – это имущество Де Сантис. Если потребуется, я вытрясу из этой тощей девчонки душу. Но она не получит и лиру в наследство.

И что могла значить её речь, произнесённая на могиле?

Жизнь за жизнь?

POV Ева

Я всегда была жертвой и никогда – хищником. Мне было страшно, я боялась поднять голову, чтобы посмотреть на унижающего. Но это время прошло. Слишком многое пришлось пережить.

Я изменилась, стала смелее, наглее, здесь и сейчас чувствуя своё превосходство.

Ещё вчера я крепко держала руку мужа, молясь, чтобы он остался со мной. Я доверила ему свою жизнь, но он поступил точно так же, как и остальные. Как только его рука похолодела, я пообещала себе, что больше никогда не буду бояться.

Видимо, мой удел – одиночество. Давно пора принять это, не пытаюсь стать той, кем никогда не являлась.

Вхожу в кабинет мужа и чувствую взгляды исподлобья. Ненависть, презрение – волосы на коже встают дыбом, словно наэлектризованные. Ощущаю их страх: неожиданно приятно, но внизу живота тягучее чувство безнадёжности.

Я знала, зачем мы здесь. И понимала, каким будет итог.

Он вошёл в кабинет следом за мной. Чувствую его внимание, оценку и поиск собственных убеждений. Он уже всё решил. И произошло это задолго до нашей сегодняшней встречи.

Ремо Де Сантис – отныне полноправный глава семьи. Но положение его шаткое. Он сам ещё в полной мере не осознаёт этого. Виной этому не столько я, сколько решение его старшего брата, моего покойного супруга. Но стрелки давно уже переведены на меня – неважно, что я сама думаю по этому поводу.

Новый глава рода совершенно не похож на мужа. Слышала, они всегда противопоставлялись друг другу, даже несмотря на большую разницу в возрасте. Два брата – день и ночь.

Марк был светловолосым мужчиной, со светлой кожей и искрящимися голубыми глазами. Внешне он больше походил на мать. Временами чересчур эмоциональный, его штормило, любую эмоцию мог довести до крайности. Но он так же быстро остывал, становясь равнодушным.

У Ремо же смуглая кожа, тёмные волосы и такие же глаза, словно в них навеки поселилось ночное беззвёздное небо. Я почувствовала холод его души, стоило нашим взглядам встретиться.

Не довелось встретить его раньше, поэтому тщательно стараюсь выловить все кусочки когда-то услышанного. О нём ходили разные слухи. Безжалостный, эгоистичный, беспринципный. Впрочем, мне ли не знать, что такое сплетни: обо мне едва ли можно услышать парочку добрых эпитетов.

Прохожу в самый центр кабинета, чтобы занять своё место. Ремо вынужден сесть рядом. Его массивная фигура – ещё одно заметное различие между ним и моим супругом – задевает меня, бедро прижимается к моей ноге. Мужчина быстро решает эту проблему, отодвигая стул в сторону. Только тогда я выдыхаю.

Августа, моя свекровь, прошипела что-то на итальянском – не могу разобрать, но вряд ли она беспокоится о том, что я замёрзла. Скорее поверю в насланное проклятие. Сжимаю левую кисть пальцами правой руки. Они ледяные.

На улице жутко ветрено и дождливо. Я продрогла, казалось, до костей. Но в помещение не намного теплее, и дело не в отсутствии отопления.

Мой затылок вот-вот просверлят мёрзлые глаза собравшихся родственников. Если бы мы не ждали адвоката, они бы уже накинули на мою шею петлю и с восторгом вздёрнули бы меня на хрустальной люстре.

Прежняя мышь щекочет усами нутро: подстёгивая спрятать шею, ссутулиться, показывая слабость, вызывая жалость. Я смотрю на свои бледные руки и на съехавшее кольцо на безымянном пальце. Стоит наклонить руку, и оно вовсе соскользнёт. Я сильно похудела за последние месяцы, пока Марку становилось хуже с каждым днём.

В груди печёт. Устало прикрываю глаза: не спала неделю, лишь дремала у постели мужа. Он о многом жалел под конец: я не хочу так. Больше не буду заниматься самобичеванием. Жертвой не стану. Марка теперь нет – спасти меня некому, кроме самой себя.

Отвожу плечи назад, возвращая осанку. Вуаль ложится на плечи, словно распущенные волосы. Здесь я хозяйка.

- Buongiorno, - входя, здоровается высокий худощавый сорокалетний мужчина, с темными волосами, поседевшими на висках.

- Что так долго? – беспардонно кидается на него Джио – красивая, благовоспитанная аристократка, младшая сестра покойного. – Долго нам ещё здесь сидеть? – Она косится на меня, но я делаю вид, что в кабинете нет никого, кроме меня и адвоката.

- Приношу свои извинения. – Сухое лицо мужчины не выражает особых эмоций: за это его и ценят. – Можем начать.

Его кожаный портфель оказывается на столе, а в руках уже папка с необходимыми документами. Мысль о том, что живой мне из комнаты не выйти, вновь замаячила на горизонте. Главное – не поддаваться панике. Делаю глубокий вдох. Мои ноги обматывают крепкие склизкие водоросли, чтобы утащить меня в глубокую безжизненную пучину.

Ловлю на себе взгляд семейного адвоката – Габриэля Моретти. И не одна я. Цепкие тёмные глаза перехватывают немой вопрос синьора. Я моргаю и отворачиваюсь.

- Я пришёл, чтобы сообщить вам только одно: завещание зачитываться не будет, - спокойно отчеканил адвокат, вызывая волну громкого ропота.

- Как это не будет? – взвизгнула Августа, отчего присутствующие подскакивают.

Синьор Моретти упирается костяшками пальцев в стол, взгляд его ожесточается.

- Завещание не будет зачитано, - повторяет он для тех, кто этого ещё не понял. Можно подумать, что такие остались. – Потому что... его нет.

Происходящее далее можно описать как эффект разорвавшейся бомбы. Всё семейство оглушенно замерло, затем сделало вдох и разразилось шквалом итальянской брани, выражая громкостью голоса и широтой размаха рук степень своего негодования.

- Объясните, как следует, Моретти - мужской бас, глубокий и насыщенный, обрывает извергающуюся лавину. – Что с имуществом брата? Что будет с акциями?

Глаза адвоката упираются в меня, когда он произносит слова, полностью изменившие расклад сил:

- У покойного Марко Де Сантис нет завещания, потому что нет имущества. Никакого. Всё, чем он владел, уже год принадлежит его супруге - синьоре Еве Де Сантис: акции, недвижимость, наличные. Желающие могут ознакомиться с документами.

Если предыдущая новость разорвала динамит, то данная разверзла прямую дорогу в ад.

Ремо встал, поспешно подошёл к адвокату, чтобы лично убедиться. На это ушло не больше минуты. Поднимаю голову, кожей ощущая пристальный взгляд.

Чернота, встретившая меня на пути, кажется бесконечной. Даже в момент вспыхнувшее в них пламя гнева не смогло осветить глубины. Свет погас, но что-то притаилось в темноте, готовясь атаковать, выбирая самые изощрённые тропы.

Я отвлеклась, поэтому не успела сориентироваться, когда моя престарелая свекровь оттолкнула стул, разделяющий нас, и накинулась на меня. Очнулась я только, когда её мертвецки холодные пальцы с ястребиными когтями сжали моё горло, потянули на себя, заставляя подняться на ноги.

Восклицания вокруг нас слились в звенящий шум. Родственники обступили плотной стеной: каждый пытался разглядеть стычку в мельчайших подробностях.

Вуаль слетает с головы, чёрной безысходностью оседая у ног. Поднимаю руки, чтобы избавиться от хватки, не дающей дышать. Она ниже меня, но гораздо больше в объёме: пони-

маю, что сама не справлюсь. После изнурённых дней рядом с умирающим мужем сил не осталось вовсе.

Мои глаза отчаянно забежали по лицам, выразившим лишь нестерпимую жажду расправы. Убери я руки карги, её место охотно займут другие.

Адвокат повысил голос, призывая к порядку:

- Отпустите вдову, синьора! Возьмите себя в руки! Вам нужны переговоры, а не убийство. – Прагматично добавляет: - После её смерти всё имущество отойдёт в благотворительный фонд.

Это отрезвляет лучше, чем морозный воздух после жаркого лета.

- Мама, basta, - не сразу останавливает её Ремо, видимо, наслаждаясь хрустом моей шеи и хрипом из горла. Он расталкивает глазающих, мягко отводит в сторону старуху, не прекращающую желать мне сгнить в трущобе, из которой я, по общему мнению, выползла. – Мы всё решим.

Кашляю, обхватив повреждённую шею, чувствуя ранки от ногтей. Смотрю на подушечки пальцев, на которых отпечаталась кровь. В глазах Августы чистая ненависть, а её блондинистая дочь с удовольствием смотрит на царапины и красные полосы, подаренные матерью.

- Синьора, можете написать заявление о нападении, - сурово предлагает синьор Моретти, вызывая шипение свекрови и сдвинутые брови Ремо. – Если потребуется, я выступлю в качестве свидетеля.

- Нет, - с трудом выдаю я, расправляя плечи, чтобы не показать уязвлённое достоинство, - Марк бы этого не хотел.

- Ты даже имя его произносишь неправильно! – прошипела свекровь, разбрасываясь слюной. – Моего сына зовут Марко!

Да, я знаю, но он никогда не поправлял меня. В частности, потому что сам не утруждал себя правильностью выговора моего имени.

Скорбящие загудели, вторя Августе, будто имя покойного может решить судьбу наследства.

Уж лучше я буду валяться в канаве с крысами, чем покажу этой алчной зазнавшейся кучке людей свою слабость. Хочется броситься на них с обвинениями. Они сбежались, словно стервятники на тело умершего богатого родственника, но я ни разу ни одного не видела у его кровати. Никто не утруждал себя заботой и беспокойством, даже собственная семья.

Задираю подбородок, с вызовом смотря на брата мужа. Если мать и сестра не пришли из-за прямого запрета Марка появляться в нашем доме, хотя не думаю, что это можно считать оправданием, то у Ремо нет даже его. Больной брат не интересовал, но о нём вспомнили, когда пришла пора делить шкуру умершего медведя.

Была бы моя воля, я бы всё отдала нуждающимся, но предсмертная воля Марка не оставляет мне выбора. Обещания нужно выполнять, даже если тебя едва не растерзали.

Прочищаю горло, чтобы выровнять голос.

- Сделайте лучше то, о чём я вас просила.

У адвоката напрягается челюсть, но взгляд его потеплел. Ремо насторожился, слегка наклонив голову, стараясь осмыслить, возможно, уже построив, по его мнению, логическую цепочку. Меня это не заботит.

Синьор Моретти кивает, резким движением открывает свой портфель, чтобы убрать в него документы.

- Завтра утром пришлю вам с курьером.

Моргаю, соглашаясь. Затем обвожу взглядом *скорбящих*, губы сами растягиваются в презрительной ухмылке.

- Buona sera, – прощаюсь, надменно скалясь, больше не прячась за маской любезности. – Надеюсь, что больше никого из вас не увижу.

- Мошенница! – бросила Августа мне в спину. – Твоё место в тюрьме! Клянусь памятью Рауля, что не найду покоя, пока не выгоню тебя из родового поместья! Сдохни! Черви сожрут твоё тело, а...

- Basta, мама, - повторяет Ремо. Но я не реагирую на проклятия, которые слышала так много раз, что они уже не задевают даже поверхностные слои души. Я молча удаляюсь, мягко ступая по коридору ненавистного мне имения.

POV Ремо

Это помещение явно было самым любимым у моего брата. Каменные стены. Высокий потолок с лепниной. Три панорамных окна сейчас зашторены плотной тканью. Камин, два тёмных дивана напротив друг друга, журнальный столик между ними. Сервант с хрустальными бокалами и коллекцией элитного алкоголя. Но не это всё является главным показателем его привязанности.

Хмурюсь, глядя на большой портрет, занимающий большую часть стены гостиной. Когда я в последний раз посещал дом, картины не было, как и девушки рядом с братом.

Сильнее сжимаю бокал, на дне которого мерцала тёмная жидкость, отражающая пламя, разгорающегося в камине. Хотя он не делает этот дом теплее. Казалось, что сами стены пропитаны многовековым холодом, оттого улыбки изображённой пары выглядят гротескно.

Улыбка Марко и его светящиеся счастьем глаза скручивают живот, но я упрямо не отвожу взгляд. Таким довольным я не видел брата с того самого дня, как умер отец.

Горе потрясло нашу семью настолько, что каждый её член закрылся в себе, словно в ракушке. А мать выбрала Марко для обожествления, как нового главу. И даже то, что он пять лет назад передал мне бразды правления, этого не изменило.

Брат же принимал это как должное. Поэтому для всех стал шоком его брак с молоденькой иностранкой и резкое прекращение контакта со всеми родными, в частности, с матерью. Ещё большим потрясением было известие о его болезни, о которой никто не догадывался, пока не стало слишком поздно.

Прищуриваюсь на свадебный портрет. Знала ли она, за кого выходит замуж? Настоящая ли её улыбка? Планировала ли она в тот момент, что по итогу станет богатейшей вдовой, владелицей всего имущества Де Сантис? От одной мысли об этом за грудиной жётся праведный гнев.

Мне давно уже пора отойти от свадебного портрета брата. Но я не могу не заметить, насколько сильно изменилась его невеста. Делаю глоток, чтобы намочить пересохшее горло. Огненный напиток проносится по пищеводу, оставляя за собой болезненные ощущения.

Девушка красива до боли внизу живота. Возможно, это хорошо, что меня не было на свадьбе. Кто знает, что я мог сделать, увидев невесту? Белое платье подчёркивает идеальные формы её фигуры. Высокая причёска демонстрирует длинную шею и округлые плечи. Лёгкий макияж не перебивает естественную прелесть юного лица.

Иностранка, с которой я познакомился сегодня, напоминает лишь её тень. Пропал блеск глаз, тело потеряло изгибы: замужняя жизнь высосала девичьи силы. Это давало мне лазейку, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Внушить и воспользоваться гораздо легче, когда человек опасно приблизился к грани.

Шум за спиной заставил обернуться. В комнату вплыл тёмный силуэт, больше напоминающий приведение, чем синьору Де Сантис.

Она подошла к серванту, упёрлась руками в столешницу. Хоть чёрная вуаль больше не покрывала её голову, тёмные волосы всё также заколоты на затылке. Невольно задаюсь вопросом, какой они длины и мягкие ли на ощупь – возможно, мне удастся это узнать.

Послышался тяжёлый вдох, словно это действие – предел её возможностей. Голова склонилась, спина согнулась: девушка качнулась вперёд. О моём присутствии она уже второй раз за

день не имела представления. Я снова не сделал даже попытки обнаружить себя, молча наблюдая, желая узнать, что скрывается за невидимой траурной вуалью.

Эва взяла бокал аналогичный тому, что держал я, налила тот же виски, осушила одним глотком. Хриплый выдох и кашель свидетельствуют об обожжённом горле. Но вместо того, чтобы остановиться, синьора вновь наливает щедрую порцию крепкого алкоголя и поворачивается.

Задерживаю дыхание, когда наши взгляды встречаются. Удивление быстро сменяется испугом, а он в свою очередь трансформируется в вызов. Мне это приходится по душе. Страх – скучно, а вот вызов – это приглашение. И я им воспользуюсь.

POV Ева

- Почему вы ещё здесь? – с трудом справляюсь с голосом. Бруно, наш дворецкий, сообщил мне, что все родственники покинули поместье. Как он мог упустить самого опасного человека из всей семьи?

Мужчина не двинулся, лишь его взгляд нагло прошёлся по мне. Позади него возвышался свадебный портрет, который я не хотела видеть. Но всё равно спустилась в гостиную, потому что наверху казалось слишком холодно. Мне бы уехать, но я пообещала себе, что проведу эту ночь здесь, на случай если душе Марка одиноко в пустынном доме.

- Боитесь?

Должна ли?

- Пять часов назад ваша мать едва не задушила меня.

- Приношу за это свои извинения.

Наклоняю голову, изучая главу компании Де Сантис. На нём брюки и рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами и подвёрнутыми рукавами. Волосы уже не так идеально уложены, словно он раз за разом врезался в них пальцами. Однодневная щетина бросала тень на твёрдый подбородок, очерчивая широкий рот. Сейчас Ремо выглядел одновременно человечнее и вместе с тем как герой тёмного любовного романа.

Огонь в камине вырисовывал причудливые формы на стене. На подлокотник дивана небрежно брошен пиджак. Невольно вспоминаю своего педантичного мужа. В моем воспоминании он уже возмущённо раздувает ноздри, принимаясь отчитывать гостя за неряшливость.

- А вы узнали, что семейное имущество больше вам не принадлежит.

Чистая провокация.

В ответ мужчина лишь усмехнулся.

- Я взрослый человек, умеющий зарабатывать. В состоянии обеспечить себя и свою семью. Да и акции у меня есть. Едва ли вы захотите встать у руля Де Сантис. А этот дом, - обводит бокалом комнату, отчего жидкость на дне забрезжила, - я никогда не любил.

- Могу сделать вид, что поверила вам, - пригубляю напиток, обжигая язык и принимая мужское лукавство.

Я точно знаю, как ревностно члены семьи Де Сантис относятся в родовому поместью. Ремо может сколько угодно недолюбливать этот дом, но владеть им он обязан.

Это история, трофей, который получен от предков и будет передан наследникам. Марк же наплевал на традиции, отписав всё мне, одновременно бросив меня под локомотив своего семейства.

Ёжусь, словно от порыва ветра: то ли по поместью гуляют сквозняки, то ли никак не могу согреться после дождливого похоронного утра. Возможна и другая причина, но я поджимаю губы, отпихивая зарождающийся страх, стягивающий низ живота спазмом. Одиночество снова становится моим спутником – верным, но презренным.

Подхожу к камину, протягиваю свободную руку к огню. Приятное потрескивание поленьев умиротворяет, расслабляя натянутую спину.

- Почему бы нам не перейти на *ты*? Всё-таки мы одна семья.

Поворачиваю голову. Ему не нужно было двигаться, чтобы оказаться в смущающей близости. Вытянутой руки хватит, чтобы коснуться мужчины. Его тело теплее моего, сердце стучит чаще, качая кровь. Ремо Де Сантис – живой мужчина с пронзительными глазами. Прямо сейчас они устремлены на меня, словно он видит что-то, чего я сама не замечаю.

Сдвигаю брови, отчего появляется складка на переносице.

- Мы никогда не были семьёй, и теперь уже никогда не будем, – резко отвечаю, делая шаг назад. – Вы скорее сожжёте меня на костре, проклиная, как ведьму, чем признаете одной из вас.

Ремо, к моему удивлению, запрокидывает голову и смеётся. Этот звук не может оставить равнодушным, слишком похож на своего старшего брата. Лёгкие судорожно сжимаются. Отворачиваюсь, чтобы он не заметил пробежавшей тени по моему лицу. Сажусь на диван, порываюсь поджать под себя ноги, но вовремя одёргиваю.

- Зачем же мне *тебя* сжигать? – Мужчина садится напротив. – Можно ведь просто выпить и поговорить?

Опускаю глаза к бокалу, приглядываюсь к янтарной жидкости, наделённой свойствами согревать души.

- Поговорить? – переспрашиваю, затем залпом выпиваю содержимое. Со стуком ставлю бокал на столик. – Давай поговорим. Только для начала надо бы налить.

Ремо криво улыбается, повторяет за мной. После чего встаёт и вместо того, чтобы позвонить прислуге, сам достаёт коллекционный виски, возвращается обратно. Горлышко бутылки касается края бокала, когда он резко обращается ко мне:

- Ты что-нибудь ела сегодня?

Неожиданность вопроса вводит в ступор. Открываю рот, чтобы ответить, но из горла вырывается лишь неловкий кашель.

Мужчина нажимает на кнопку, дворецкий появляется слишком быстро, словно всё это время он стоял у двери. Зная Бруно, так оно и было.

- Организуй нам небольшой аперитив, – на удивление вежливо обращается Ремо к пожилому сотруднику. Хотя это не мешает ему оставаться надменным. – Синьора не ужинала.

Моргаю в ответ на вопросительный взгляд дворецкого. Он кивает, затем плавно разворачивается и покидает комнату.

Справившись с напитками, Ремо занимает прежнее положение напротив меня.

- Какая разница, ужинала я или нет?

Тянусь к бокалу, затем крепче сжимаю его пальцами, словно хватаюсь за спасательный круг. Ремо откидывается на спинку дивана, шире расставляя ноги.

- Мы же хотим поговорить. В пустой желудок алкоголь всасывается быстрее. Ты отключишься после этой дозы, и я не смогу узнать то, что хочу.

Моя натужная улыбка становится кривой.

- Тогда тебе стоит быстрее начать спрашивать. – Делаю глоток, удерживая его взгляд. – Потому что я не собираюсь дожидаться Бруно.

- Напиться и забыться?

Жидкость на пару мгновений лишает дара речи и возможности дышать. Мужчина понимающе ухмыляется.

- Я не хочу ничего забывать.

Мой ответ его удивляет. Глаза устремляются на что-то за моей спиной.

- Счастливый брак?

Не обязательно оборачиваться, чтобы точно знать, на что он смотрит. Свадебный портрет титанской величины.

- Он с самого начала мне не понравился, – протягиваю я, задумавшись. Ремо сдвигает густые брови. Только произнеся вслух, понимаю, что прозвучало странно. Добавляю, разъяс-

няя: - Я была против того, чтобы Марк вешал его здесь, ещё и такого размера. Даже сама идея казалась мне смешной и... вычурной. Но Марк настоял, словно пытался компенсировать... - не договариваю, колючий ком забил горло.

Ремо подозрительно сужает тёмные глаза, когда продолжения не последовало.

- На нём ты выглядишь счастливой, - звучит больше как оскорбление.

- Так и было. Это был самый лучший день в моей жизни.

- Как вы познакомились?

- Случайно. – И без того замёрзшее тело холодит от одного воспоминания о том дне. В лицо словно опять ударил ледяной порывистый ветер вперемешку с крупинками снега и льда. Морщусь. – Марк появился в самый неожиданный момент и разделил мою жизнь на до и после.

Не думаю, что мой ответ удовлетворил любопытство мужчины. Он лишь поджал губы. В комнату вошёл Бруно с подносом в руке.

После того, как закуски заняли своё место на журнальном столике, дворецкий расправил плечи, посмотрел на меня и спросил, нужно ли нам что-нибудь ещё.

Я же восприняла его вопрос иначе: он нервничает. Человек, сидящий напротив, кажется ему опасным. Очень может быть, что так оно и есть. Только вот я не боюсь: давно уже смирилась с тем, что шагнула в клетку ко львам.

Едва заметное движение руки вполне устраивает Бруно. Только когда за ним закрывается дверь, Ремо даёт понять, что заметил переглядывания.

- Не знал, что он может выражать свою привязанность. Когда мы жили здесь, он оставался холоднее рыбы в заморозке.

- Бруно помогал мне заботиться о Марке всё это время, - резко отвечаю, защищая дворецкого, но вместе с тем бросаю вызов, напоминая, что никто не навещал его.

Мужчина поворачивает голову в сторону, прочищает горло, затем делает глоток, смачивая неприятный осадок.

- Мы и до болезни не общались.

- Знаю, - делаю вдох, чтобы не поддаться сожалениям, накрывшим меня, - Марк рассказывал.

- Что он говорил о причине?

- Ничего. Он и сам не понимал, как так вышло. Не знал, почему никогда не пытался сблизиться. Упомянул разницу в возрасте, дела, ответственность.

- Бизнес всегда был важнее семьи. – Ремо поморщился, словно ощутил горечь во рту. И она не имела никакого отношения к алкоголю. – Не могу винить его: в этом доме все жили только в своих комнатах. Пусть в гостиной и разжигали камин, тепла никогда не было.

- Это печально.

И я могла понять это чувство: когда даже самые близкие тебе люди в реальности вовсе чужие.

- Марк сожалел. – Прикрываю глаза под тяжестью воспоминаний. – Когда надежды уже не осталось, и он мог только лежать, ожидая... - горло сжимает спазм, а пальцы дрогнули, едва не уронив бокал, - ожидая конца, и жалеть о том, что не сделал при жизни.

- Большой был список?

Открываю глаза, чтобы увидеть непроницаемую маску на лице брата моего покойного супруга, словно броню. Где-то там, в глубине, я дёрнула ручку закрытой двери. За ней прятались реальные чувства мужчины. Сожалел ли он? Злился на брата?

- Да, - голос срывается до шёпота, а ответ висит между нами.

Ремо ставит стакан на столик, поддаётся вперёд, чтобы зависнуть надо мной. Откидываюсь на спинку дивана, запрокидывая голову, то ли чтобы отдалиться от неожиданной близости, то ли для того чтобы посмотреть ему в глаза – обжигающе чёрные.

- О чём ещё он сожалел?

Его рука сжимает обивку дивана у моего плеча. Нос улавливает едва заметные древесные нотки дорогой туалетной воды.

- Расскажи мне. – Его голос стал ниже, но в нём легко распознавались опасные ноты. Я переступила черту, которую Ремо расчертил уже давно. Маска вежливости и доброго любопытства спала быстрее, чем я ожидала. – Можешь поделиться со мной, как брат раскаялся. Как сильно он переживал за семью, что даже не составил ни крохи? Или насколько сильно он любил тебя, раз решил сделать единственной наследницей?

Смотреть в его глаза было ошибкой. Он ловит мой взгляд, сужая мир вокруг до тёмных озёр, на дне которых отражается огонь камина.

- Отойди, - выдыхаю я, выставя раскрытую ладонь между нами, не осмелившись упереться в грудь, чтобы оттолкнуть. Вместо того чтобы выполнить мою просьбу, Ремо напирает, прижимаясь к моей руке.

- Ты красивая и хитрая, я могу понять, почему он хотел защитить тебя. Но неужели это был единственный способ? - Его сердце стучит так же быстро, как и моё.

Даже сквозь рубашку чувствую, какое горячее у него тело. Смотрю на свою руку, и кажется, что это именно то тепло, что мне нужно. Ужасаюсь своему желанию прижаться к его груди, чтобы согреться.

Толкаю руку, но она словно упирается в стену. Мужские пальцы приподнимают мой подбородок, вынуждая поднять голову. Блеск его глаз сбивает с толку, разнясь с произнесёнными словами. Его кадык дёргается.

- Знаешь, что я бы сделал, если бы встретил тебя раньше брата? – неожиданно спрашивает Ремо.

Задумал?

Мой рот приоткрывается, чтобы сделать вдох. Но вместо воздуха моих губ касается чужое дыхание.

Глава 2

POV Ева

Поцелуй, которого никогда не должно было случиться. И руки, которые ни в коем случае не должны были касаться меня. Но они это делают, а губы сухо впиваются в мой рот, словно в наказание.

Толкаю его в грудь, в отчаянной попытке избавиться от чувства, кольнувшего за рёбрами. Холод сменился жаром, отзываясь ниже пупка.

Ремо отстраняется на секунду, чтобы бросить что-то на итальянском. Мой затуманенный разум не смог разобрать сказанное: уже в следующий момент он наклоняет голову в противоположную сторону и снова впиывается в меня поцелуем с ещё большим натиском.

Его рука обхватывает шею сзади, а другая ядовитой змеей обвивает мою талию, скованную корсетом, заставляя выгнуться навстречу, сминая пальцами ворот его рубашки.

Не могу оправдать себя, когда откликаюсь на ласку. Нет даже возможности скинуть поведение на шок.

От прикосновений мужских рук по коже заструился ток, словно безумный учёный решил оживить моё одеревеневшее тело. Я пускаю его язык в свой рот, позволяя столкнуться с моим языком, ужалив. Чувствую пряный вкус и... наслаждаюсь им.

Где-то в глубине сознания в панике о стены бьётся здравомыслие. Оно во всю мощь вопит о том, что это чистой воды безумие. Но ему сложно найти дверь в этот мир. Ту самую дверь, спрятанную за обманутыми надеждами и годом, проведённым в одиночестве и холоде у постели больного мужа, скрытую за отчаянным желанием ощутить себя живой, желанной, необходимой...

Частое дыхание, прижатые тела. Голова кружилась то ли от выпитого алкоголя, то ли от забытого возбуждения, налетевшего волной, подминая под себя мою волю и вынуждая, захлёбываясь, цепляться за спасательный круг.

Зубы прикусывают мою нижнюю губу, вырывая хриплый стон. Тяжесть внизу живота с каждой секундой становится всё сильнее.

Рука Ремо сместилась с талии, чтобы, преодолевая корсет, сжать мою грудь. А колено упёрлось в диван, сдвигая складки платья в сторону.

Напор, который я не чувствовала раньше. Скорость близости уносила словно на карусели. Я сжимала и разжимала пальцы, не в силах принять происходящее, но и остановить не была способна.

Тело дёргается, когда грубая рука касается нежной кожи бедра. Туман рассеивается лишь на мгновение, но этого достаточно, чтобы услышать, как вода с треском прорывает нагретую в камине древесину, шипя, вырываясь на свободу.

Чтобы оттолкнуть Ремо, мне понадобились все мои силы. Вскикиваю, судорожно хватая воздух ртом. От огня в крови остаётся лишь пепел. Кажется, что от стыда я вот-вот рухну без чувств.

Мужчина тоже учащённо дышит, но не выглядит ни ошарашенным, ни пристыженным, ни тем более сожалеющим. Весь его вид бросает вызов морали.

А вот я была в ужасе. И могла бы кинуться на него с упрёком, обвинить в случившемся. Но тогда это было бы лицемерием. Если кого-то винить, так только себя. С этим у меня никогда не было проблем. Самобичевание – моё привычное состояние.

Делаю ещё одну ошибку, подняв глаза выше: упираюсь в картину, с которой улыбались новоиспечённые супруги. Подрагивающей рукой прикрываю рот, будто только так смогу сдерживать рвущийся наружу вой.

Шарахаюсь назад. Я только что целовала брата своего мужа. Даже от одной мысли об этом мне уготована скоростная магистраль, ведущая напрямик в ад.

- Эва? – мягко зовёт меня Ремо.

Отступаю, качая головой. Быстрее. Ещё быстрее.

- Che spavento, - с трудом выдавила, затем развернулась и почти выбежала из гостиной.

POV Ева

Шустро преодолеваю лестничный пролёт. Звук моих поспешных шагов утопает в бесконечной череде ковров. Хватаюсь за голову в отчаянной попытке заглушить бешеный стук сердца, отдающий в уши.

Мимо мелькают стены с бесчисленными картинами: они сливаются в сплошное цветное пятно. Как бы я ни хотела, как бы ни старалась, назвать этот дом своим так и не смогла.

Моя спальня находилась на втором этаже рядом с хозяйской. Мы с Марком ночевали раздельно. Он оправдывал это комфортом, но причина всегда была иная.

Но как только Марку стало хуже, и он уже не смог подняться с кровати, ночи я проводила на кушетке у окна в его комнате.

Воспоминания о покойном муже кажутся издевательством. Резко останавливаюсь, ощутив приступ тошноты. Наклоняюсь, чтобы отдышаться. Лёгкие протестуют. Кладу руку на грудь, вдавливаясь в кожу у ключиц.

Продолжаю путь, когда голова перестаёт кружиться. Но тело не забывает дрожать от напряжения и разочарования. Хотя дело было не в разрушающей вине от случившегося поцелуя – не только от этого.

Сама моя реакция вскрыла старую рану, которую я упорно замазывала мазью все годы замужества. Я уговаривала себя, что всё хорошо. Но моё тело само дало понять ничтожность череды попыток, пусть и момент был максимально далёк от подходящего.

Останавливаюсь у двери, упираюсь в неё лбом, не решаясь войти. Словно у меня грязные ноги, которыми я испачкаю идеальный мир в стенах своей спальни, пусть он всегда был иллюзорным.

Я успела открыть дверь, когда за спиной послышались тяжёлые шаги. Мужская рука стальным обручем сжала мой локоть, резким движением поворачивая к себе. Напряжённые пальцы больно обхватили лицо, поднимая его навстречу.

- Что ты...

Договорить мне не удалось. Мой рот запечатали его губы, обжигая, словно горячий воск.

Я шагнула назад, упираясь в дверь. Ремо не отпустил, следуя за мной, напирая. Дверь провалилась в комнату, мы переступили порог.

- Ты же не думала, что я так просто позволю тебе уйти? – выдыхает он мне в губы, отчего под кожей заискрились мурашки.

- Пусти, - протестую, накрывая его пальцы своими, чтобы снять их с себя.

В ответ он лишь твёрдо произносит:

- Нет.

Желание застыло между нами. Ремо убирает пальцы от моих щёк, но лишь для того, чтобы перехватить мои руки. Смотрит на обручальное кольцо, ещё сковывающее мой палец. Затем нарочито медленно переносит мои ладони на свою грудь, накрывая её сквозь рубашку.

Горячо. Жизнь бурлит в нём, подстраиваясь под частое сердцебиение.

Мужчина даёт мне время, наблюдая за моей реакцией. Мои руки застыли, не лаская, но и не отталкивая. Я смотрела на них, словно не могла решиться на... что? На что я собиралась решиться?

Ремо двигает наши руки вниз, давая ощутить твёрдость живота и играя с моей фантазией. Меня захлёстывал стыд, не мешающий сокращаться мышцам между ног. Я сжала их, на лице соблазнителя мелькает улыбка, словно он точно знает о реакции моего тела.

Поднимаю глаза выше, чтобы отчётливо увидеть желание в его глазах, делающее обладателя ещё привлекательнее.

Время идёт, но мы зависли на грани. В темноте его глаз не было ни холода, ни сырости, ни страха. Там был огонь, обещающий согреть. Холодные звёзды засияли в них ярче, грозясь взорваться и осыпаться.

Он смотрел на меня так, словно я была тем единственным, в чём он нуждается в данный момент. Это поражало моё воображение, толкая с обрыва в бездну порока, из которой не смогу выбраться.

Сиюминутный порыв: я точно пожалею. Но вспышка боли в груди, заставила меня спрыгнуть, и Ремо шагнул навстречу.

Приподнимаюсь на цыпочки, чтобы наши губы слились в страстном танце, обрывая все связи с реальностью. Провожу руками по его шее, зацепляя пальцы в замок сзади.

Ремо гладит мою спину, устремляясь к волосам. Он распускает пучок, шелковистые пряди накрывают его руки и мою спину. Рот отрывается от моих губ, только чтобы мокрой дорожкой заскользить к шее. Откидываю голову назад и чуть в сторону, облегчая ему доступ.

- Gioia mia, - довольно отозвался мужчина, зарываясь носом в копну моих волос.

Закрываю глаза, сердце трепыхается, реагируя на его рот, посасывающий нежную кожу. Хватаюсь за широкие плечи, чтобы устоять на ногах. Ремо поспешно расшнуровывает корсет, отбрасывая его в угол комнаты. Платье тоже оказывается расстёгнутым, оно без труда падает к моим ногам, оставляя меня в нижнем белье.

Мужские губы продолжают путешествие по моему телу. Язык обводит выемку выпирающей ключицы. Я закусываю губу, когда пальцы одним движением смахивают лямку кружевного бюстгальтера, оголяя грудь. Дёргаюсь, когда Ремо засасывает сосок. Нега омывает тело, заставляя желать большего.

Мои руки хоть и дрожат, но я принимаюсь старательно расстегнуть его рубашку, с трудом справляясь с пуговицами. Ремо хрипло усмехается, глядя на мои потуги. Он дёргает ворот, разрывая нитки.

Пуговицы глухо посыпались по полу. А моему взору открылся пресс мужчины, свидетельствующих о его любви к спорту. Не будь я уже возбуждена, у меня потекли бы слюни от одного только взгляда.

Каждая девушка хоть раз представляла себя с подобным образцом противоположного пола. И вот она я, стою раздетая напротив него. И ничего не мешает мне провести ладонью по его животу. Что я и делаю. Мышцы сокращаются под моими пальцами, добавляя смелости.

И без того ускоренный пульс бьёт все рекорды. Лицо мужчины сменяется на ледяную маску, на секунду пугая. Но выражение исчезает так же быстро, а Ремо наклоняется, чтобы вновь пленить мои губы.

Его движения становятся резче и спешнее. Голова кружится, я не замечаю, как оказываюсь на кровати. Опомнилась только когда раскинулась на простынях, а мужчина навис надо мной.

Приподнимаю таз, когда пальцы потянули трусы вниз по моим ногам. Ремо спускает штаны вместе с боксерами, предварительно вытаскивая квадратный серебристый пакетик из кармана. Он, торопясь, растягивает презерватив по всей длине эрегированного члена, затем занимает удобное положение.

Моргаю. Мелькает разумная мысль, что он явно подготовился. Но она растворяется в поцелуе, когда мужчина накрывает меня своим телом.

Обхватываю его спину, раздвигая ноги в приглашении. Низ живота пульсировал, подгоняя. Я знала, что мне нужно почувствовать его внутри.

Он толкнулся в меня, а я замерла, когда мои мышцы отказались принять вторжение. Маленький опыт и длительное воздержание дало о себе знать в самый неподходящий момент. Боль скрутила тело, а Ремо замер.

- Продолжай, - я клацнула зубами, старательно расслабляя мышцы.

Мужчина слушается меня. Член выходит из влагалища, но только чтобы вновь вонзиться, заполняя собой каждый миллиметр. Я охаю, но уже не от боли. Прилив неизвестного удовольствия накрывает меня до кончиков пальцев ног.

Упираюсь стопами в матрас, чтобы двинуться навстречу. Ремо хрипло отзывается на мои ответные толчки. Вверх и вниз. Я принимаю и отдаю, подстраиваясь под своеобразную игру. Но с каждым проникновением желание не угасает, а лишь нарастает. Больше. Ещё. Быстрее.

Мои ногти впиваются в его плечи. Из горла льются стоны, которые Ремо ловит своим ртом. Его язык давит на мой, провоцируя. Я отвечаю, целую и посасывая.

Напряжение увеличивается, тело пульсирует, словно готовится взорваться и разлететься на тысячи осколков, создавая новые вселенные.

Я откидываюсь назад, уже не в силах сдерживать бурю. Моя спина выгибается, когда низ живота сжимается, затем судорожно сокращается, отчего все тело дрожит, а кончики пальцев подгибаются.

Ремо запрокидывает голову, протяжно стонет, после чего опрокидывается набок, уставившись в потолок.

Я хотела повернуть голову, спросить его, или сказать хоть что-то. Но приятная истома заполнила каждую клетку моего организма. Я не могла даже шевельнуться.

Веки стали слишком тяжёлыми. Я провалилась в безмятежную пустоту, о которой так долго мечтала.

Глава 3

POV Ева

Отрываю глаза, резко садясь в постели. Длинные волосы падают на голую грудь, скрывая её. Касаюсь рукой, убеждаясь в отсутствии нижнего белья или сорочки.

Это не сон.

Больно врезаюсь пальцами в волосы у корней, царапая кожу головы. Смотрю на смятую простынь и подушку, хватаю одеяло, чтобы прижать к себе, прикрываясь. Наклоняю голову, впиваюсь зубами в ткань, чтобы заглушить надрывный стон, обжигающий горло. Не могу поверить, что сделала это.

К непрерывной муке потери добавилось давление чувства вины. Тепло и лёгкость сменилось свинцовой тяжестью. Я никогда ещё не ненавидела себя с таким яростным отчаянием, как сейчас.

Неизвестность последствий заставляла живот тягостно скручиваться. Стыд буквально кричал о том, чтобы я осталась в кровати навеки. Можно подумать, что так ситуация решится сама собой. Напоминаю себе, что я взрослый человек, способный решить любую проблему. Но страх против воли парализует на несколько минут.

И всё же я поднимаюсь с кровати, потащив за собой одеяло, иду в душ.

Бледная кожа давно уже стала привычной. Затворнический образ жизни рядом с чахнувшим мужем не способствовал здоровому бодрствованию. Сейчас же в отражении я смотрела на девушку с растрёпанными волосами и розовой кожей. На шее и руках виднеются синеватые отметины.

Откуда они взялись? Настолько крепкими были чужие объятия? Моего удивления не стало бы больше, даже если бы я вовсе не отразилась в зеркале.

Откидываю одеяло, забираюсь в душевую кабинку. Яростно кручу вентилем, словно стараюсь его оторвать. Шиплю, когда вода горячим потоком стекает по спине, касаясь чувствительных ягодиц. Хоть о ночи у меня остались лишь смутные воспоминания и ощущения, моё тело ещё долго будет хранить доказательства преступления против нравственных устоев общества.

Похороны. Секс братом покойного мужа. Что это, если не предательство?

Выдавливаю щедрую порцию геля для душа на мочалку, принимаюсь активно скоблить шею, руки, живот, но, сколько бы я ни старалась, от произошедшего мне никогда не отмыться, хоть кожу соскреби до костей.

Рука ускоряется, нажим становится сильнее. Я резко рванула по бедру, царапая. На глаза тут же выступают слёзы. Прислоняюсь затылком к стенке душевой. Подставляю лицо, позволяя слезам смешаться с потоком воды, маскируя их, хотя никто и так не увидит.

Я плачу, потому что осталась одна в этом мире. Плачу, потому что горе мешает нормально дышать. Плачу, потому что секундная слабость может обернуться катастрофой. Плачу, потому что предала и себя, и Марка.

Пусть он никогда об этом не узнает, я всегда буду помнить и винить себя. Моя совесть никогда уже не будет чистой, а прежде чем уснуть, каждый раз буду прокручивать позор в голове, во снах выискивая прощение.

К моему возвращению в спальню Ремо не объявился. Надежда на то, что он уехал, также сожалея и стыдясь, хоть и призрачная, но ещё теплится в груди.

Надеваю классические джинсы и блузу с рукавами, скрывая своё тело, словно пристыженное и опороченное. Закалываю влажные волосы в пучок на макушке. Глаза цепляются за собранный чемодан. Мои планы не изменились.

Стоит мне выйти в коридор, из-за угла выходит Бруно. Опускаю глаза в пол. Он не может не знать – это унижительно.

- Доброе утро, - вежливо приветствует он меня, никак не выдавая осведомлённости. В его руках поднос, а на нём лежит жёлтый бумажный конверт формата «А4». – Курьер доставил сегодня утром от сеньора Моретти.

- Спасибо, - коротко отвечаю, забирая документы. Я знаю их содержание, но всё равно открываю, чтобы проверить. Делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями. После чего тихо спрашиваю, словно повысь я голос, дворецкий бросится на меня с упрёками: - Ты знаешь, где сеньор Де Сантис?

- В кабинете.

Наклоняю голову в сторону, нахмурившись. Зачем ему понадобился кабинет Марка?

Обхожу Бруно, широкими шагами устремляюсь на первый этаж. Хотя я точно уверена, что в кабинете не осталось никаких важных документов, даже сейф я осмотрела, всё равно местонахождение Ремо вызывает нервный холодок в руках.

Дворецкий не ошибся: я услышала голос мужчины. Либо он разговаривал с неммым оппонентом, либо по телефону. Заношу руку, чтобы толкнуть дверь, но замираю, прислушиваясь.

- Да, мама, - ровным тоном говорил Ремо на родном языке, - я понимаю, что стоит на кону.

Пауза свидетельствует об ответе собеседника.

- У меня всё под контролем. Я знаю, кто она, в отличие от Марко. – Не могу вдохнуть, словно кто-то резко сжал мои лёгкие. *Она?* Это точно про меня. – Да, у меня есть план, не волнуйся.

План?

Живот судорожно сокращается. По позвоночнику прошёл ток, рассыпаясь на кучу мелких крупинок, поражающих нервы. Все части моего тела дрогнули, столкнувшись с ними.

- Она не представляет, с кем связалась. Это будет легче, чем я думал.

Осознание сказанного не заставляет себя долго ждать. Ответ получен по невидимому щелчку. Теперь всё встало на свои места. Сомнений быть не может: прошлая ночь была им подстроена.

Рот кривится. Оправдана ли цель? Нужно ли было растаптывать меня, при этом обливая грязью достоинство своего покойного брата?

Зло усмехаюсь, сжимая кулак, так и зависнувший у двери. Деньги не пахнут.

Ненависть к семейству разгорается с новой силой. Желание выбросить конверт с добрыми намерениями наполняет меня словно вазу холодной водой. Только вот цветы в неё никто не поставит. А если вдруг решится на это, колючие шипы роз оцарапают прозрачный хрусталь.

Войти в кабинет меня вынуждает ответственность за обещание, что я дала умирающему вместе с надеждой мужу. Не могла отмахнуться, сославшись на обман. Напоминаю себе, что больше не жертва, пусть больше не хозяйка поместья. Об этом пока знают только два человека.

- Августа может гордиться своим сыном, - едко бросаю я, с силой толкая дверь.

POV Ева

Ремо разворачивается, удерживая рукой телефон у уха.

- Перезвоню, - говорит он, затем сбрасывает звонок, убирая телефон в карман чёрных брюк.

На нём чистая белая рубашка, застёгнутая на все пуговицы. А волосы влажные после душа. При виде меня мужчина сдвигает густые брови, отчего на лбу прорежутся морщины. Но во взгляде нет и тени раскаяния, ровно как и той страсти, которая пленила прошлой ночью. Дымка развеялась вместе с рассветом, оголяя голую сгнившую реальность.

- Много услышала? – спрашивает раздражающе спокойно, а я сдерживаюсь, чтобы не закричать от гнева. Сжимаю зубы, раздувая ноздри, чтобы выдохнуть. С презрением задирая голову, пройдя вглубь кабинета.

Ноги дрожат. Чтобы скрыть это, я сажусь в хозяйское кресло. Со стороны это выглядело больше как по-детски наглядная демонстрация своего положения. Мне всё равно.

- Достаточно. – Кладу конверт перед собой, вижу, как на него опускается заинтересованный взгляд Ремо. Это придаёт мне уверенности. Выпрямляю спину. – Воспользоваться пьяной вдовой – умная стратегия, но что ты планировал делать дальше? Окружить заботой, чтобы я забылась, растаяла, может быть, влюбилась? – Не могу сдержать резкий выдох. – А потом незаметно подписала нужные документы? И вот я уже на улице, побираюсь, как и предсказывала твоя мать?

- Драматизируешь. – Ремо упирается ладонями в стол, возвышаясь надо мной. – Я бы оставил тебе что-нибудь, если бы ты хорошо *попросила*.

По коже прополз мерзкий холодок, заставляя каждый волосок встать дыбом.

- Ни за что, - выдавила я, сквозь тесно сжатые зубы.

- Да? – притворно удивляется. – А ночью тебе всё нравилось.

От унижения язык прилипает к нёбу.

- Ты просто воспользовался моментом! – резко встаю, так как больше не могу выносить давления его фигуры. – Я была пьяна и... А-а, - протянула, когда в голову пришла тревожная, но здравая мысль. – Ты мне что-то подмешал?

- Что? – Ремо отпрянул, словно его действительно шокировал мой вопрос.

- Когда ты подливал мне виски, - не торопясь, рассуждаю вслух, смакуя предположение, которое может без труда спасти мою совесть, - ты мог что-то туда подмешать. Снотворное? Психотропное? Наркотик? Что это было?

- Рехнулась? – вскинулся мужчина. – Я ничего тебе не подмешивал. Не знаю, что ты сама наглоталась, но не надо валить всё на меня. – Губы надменно поджимаются. – Мне не нужны препараты, чтобы соблазнить девушку. Всё, что ты делала, было по своей воле.

Он меня не убедил.

- Это легко проверить.

- Можешь делать, что хочешь. – Хищный взгляд заставляет колени дрогнуть, словно по ним ударили неврологическим молоточком. – Только мы оба знаем правду...

- Довольно! – Кулак врежется в стол. Конверт подскакивает, привлекая моё внимание.

За всё, что сделала эта семья, за то, как Ремо Де Сантис поступил со мной, за руки на моей шее и гнусные слова, брошенный в мой адрес - я могла разорвать документы, наказав их всех. Никто никогда не узнает. Только Марк...

Любой скажет, что свой долг перед ним я уже погасила. Но чтобы стать по-настоящему свободной, я должна выполнить ещё два пункта. Один из них прямо сейчас.

- Вот, - беру конверт и кидаю в руки Ремо.

- Что это?

- Это последняя воля Марка.

Обхожу стол, но понимаю, что переоценила свои силы. Прислоняюсь бедром к краю, скрещивая руки на груди. Карты снова в моих руках.

Ремо открывает конверт, одним движением вытаскивает бумаги. Его глаза становятся шире с каждой прочитанной строчкой. Почти комично, но мне не до веселья. Живот крутит.

- Перед смертью Марк о многом сожалел, - припоминая вчерашний разговор. – В том числе, и о том, что это поместье не достанется наследнику Де Сантис.

Только об этом и думал. Уже будучи прикованным к постели он стал сильно походить на свою мать замашками, капризами и восхвалением родового величия. Мне придётся поста-

раться, чтобы горечь от этого периода совместной жизни и самих причин женитьбы на мне не испортила мои воспоминания о супруге.

- Также он хотел укрепить твоё положение в компании. Говорил, что бросил тебя, не подготовив.

Мужчина продолжал изучать дарственные, а я объясняла, хотя сама не понимала, ради чего, да и не была уверена, что он меня слушает.

- Синьор Моретти не стал этого делать, так как не был уверен в том, что Марк был в здравом уме и твёрдой памяти.

Ремо посмотрел на меня, дав понять, что внимательно следит за моим рассказом. Я не радовалась его взгляду, не увидев взамен ничего кроме скепсиса.

- Он кричал во сне: мучили кошмары. – Я отворачиваюсь, потому что не могу смотреть на этого мужчину. Но слова продолжают литься, словно именно так найдут освобождение. - А за два дня до смерти он начал бредить. Разговаривал, звал незнакомых мне людей, постоянно о чём-то просил. Я даже не понимала, где были реальные просьбы, а где галлюцинации.

Крепче сжимаю руки на плечах, начав замерзать. Озноб добрался до нутра, подпитываясь тягостными воспоминаниями.

Все же мне удалось выделить два желания, которые я пообещала выполнить. Насмехаюсь над собой - чёртова золотая рыбка. Но вслух произношу лишь, обернувшись:

- Марк просил меня отдать тебе поместье и часть акций. Ровно столько, чтобы сделать тебя главным акционером, упрочив твоё место.

- А что ты сделаешь с оставшимися? – Мужчина подозрительно щурится.

- Они пока мне нужны, - серьёзно отвечаю. – Синьор Моретти был свидетелем, поэтому он может подтвердить волю покойного и её исполнение.

- У вас какая-то сделка? Ты и с ним спишь?

Меня словно окатило водой от нахальства и грубости вопроса. Благие намерения тут же испаряются, забрав с собой меланхолию. Я выпрямляюсь, не собираясь и дальше выслушивать оскорбления в свой адрес.

- В доме меня теперь ничто не держит. Буду молиться, чтобы никогда больше не пересекаться с вашей семьёй. Любые вопросы будут решаться через адвоката.

Самой сложной задачей стало обойти Ремо Де Сантис. Я даже задержала дыхание, проходя мимо, надеясь только на стойкость своего духа. Мужчина удерживал на мне свой взгляд, но я даже не старалась осмыслить его. Чувствовалась только смесь удивления, недоверия и раздражения. Я не оправдала его ожиданий, чего бы он там от меня не ждал.

- А как же то, что было между нами? – Вопрос догоняет меня у двери, больше похожий на брошенный напоследок топор в спину.

Я берусь за ручку, собираясь проигнорировать, но в последний момент решаю ответить.

- Ничего не было. Если кто скажет иное, я буду всё отрицать.

И всё же стоит мне выйти из дома, прихватив свой чемодан под грустные взгляды прислуги, ставшей мне семьёй, я достаю свой телефон, чтобы набрать знакомый номер.

- Габриэль, - обращаюсь я к ответившему мужчине, - подскажите, где можно сделать химико-токсикологическое исследование крови?

- Что-то случилось? – встревожился синьор Моретти.

- Нет.

Глава 4

POV Ремо

Усталость от бессонной ночи даёт о себе знать, даже не смотря на мощную разгрузку и пару чашек крепкого кофе. Плечи опускаются, сдавая под тяжестью навалившегося груза. Соблазнить вдову брата было плохой идеей, но, пробираясь сквозь череду эмоций, раскаяния не различалось.

Цель всегда оправдывает средства. Я сделал то, что должен был, пусть ради этого пришлось заступить за нравственную грань. Собственноручно растоптал память брата, который был им чисто номинально. А также посеял зерно пожизненного сожаления в душу девушки. При условии, что она у неё есть.

Ещё вчера я бы сказала, что в красивой обёртке нет ничего. Но документы в моих руках невыносимо голосят об обратном, порождая новую порцию вопросов и противоречий.

Опускаюсь на диванчик у стены. Сложно посчитать, сколько Марко успел приобрести недвижимости, и какая сумма на его счету. Насколько богата сейчас вдова? И если она решила передать мне акции, то почему отдала не все? Какую игру затеяла эта девушка?

Я мог сказать лишь то, что знаю, какая она в постели, но абсолютно не понимаю, что от неё можно ожидать за её пределами.

Внимание привлекает звук с улицы. Подхожу к окну, чтобы увидеть машину, подъехавшую к дому.

Первым вышел Бруно, он убрал в багажник скромного размера чемодан. У Джо в такую поместится только косметика. Следом показалась вдова. В её руках была лишь маленькая сумка, едва ли способная вместить что-то кроме телефона.

Неужели у синьоры Де Сантис нет масштабного гардероба? Могу предположить: позже приедет грузовик, чтобы вынести половину дома.

В груди неловко кольнуло, когда в ответ на протянутую руку девушки дворецкий нежно сжал её и поднёс к губам. Вдова же мягко улыбнулась. Жест говорил о тёплом взаимоотношении, которого никогда не было между членами Де Сантис и прислугой.

Неохотно ловлю себя на двух ощущениях: лёгкое разочарование от факта, что не увидел эту улыбку вчера; и порыв уволить Бруно, переступив при этом через его долголетнюю верную службу этому поместью и семье, живущей в вековых стенах.

Качаю головой, злясь на себя. В то же время девушка забралась в машину, а дворецкий не сдвинулся с места, задумчиво глядя на удаляющийся транспорт, пока тот не скрылся, повернув на дорогу.

Мне же нужны были ответы. И только один человек мог мне их дать. Если, конечно, сам этого захочет.

POV Ремо

- Я был уверен, что ты мне позвонишь, - Габриэль Моретти неторопливо постукивал пальцами по столу, другой рукой удерживая бокал с виски отличной выдержки. – Видимо, Эва уже передала тебе дарственные.

- Эва? – хмыкаю. – Вы настолько близки?

Реакцию девушки на моё обвинение я не смог распознать. Казалось, оно её зацепило, но обидело ли необоснованностью или же испугало пронизательностью?

Адвокат же лишь тяжело вздохнул, затем расслабил галстук, который и без того съехал в сторону. Дорогой костюм намок под моросящим дождём, грозя испортить его.

- Сеньора не просто моя клиентка, она – вдова моего друга. Мы с Марком были почти братьями.

- В отличие от нас с ним. – Горько это осознавать, но брата я знал не больше, чем бармена, разливающего нам напитки.

На мою просьбу встретиться, Моретти выбрал популярное в определённых кругах заведение. Здесь не встретишь случайных прохожих, заглянувших пропустить стаканчик. Только узкая база клиентов.

Зал бара представлял собой череду закрытых кабинок из дорогого тёмного дерева для частных разговоров, за которыми сюда обычно и наведывались. Приглушённый свет, ненавязчивая музыка, вежливый персонал. На ценники, логично следующими за поддержкой конфиденциальности, никто внимания не обращал.

Габриэль откинулся на спинку широкого кресла.

- Марко...

- Сожалел?

Адвокат приподнимает брови в немом вопросе. Делаю вдох, понимая, что пить с утра – плохая идея. Но осознание не мешает мне сделать глоток. Перекаत्याю жидкость языком во рту, только после этого проглатываю.

- Мне нет дела до того, о чём сожалел мой брат, - раздраженно отмахиваюсь. – Меня интересует, какого чёрта здесь происходит? Почему он не составил классическое завещание?

- Марко знал, что вы будете оспаривать завещание. У семьи Де Сантис больше связей и возможностей. Он не хотел оставить свою жену на улице и с пустым карманом.

- Поэтому оставил ни с чем свою семью.

- Это была плохая идея, - кивает Моретти. – Я предупреждал, что так он натравит вас на бедную вдову. Предлагал сразу поделить имущество. Но Марко упрямылся.

Лицо адвоката меняется. Неизменно холодный и непоколебимый, за что я всегда его уважал, морщится, проявляя эмоции.

- У тебя к вдове личный интерес? А иначе к чему такая забота?

Стук пальцев сбивается, нарушая ритм. Я же начинаю дышать тише и глубже, словно ответ важен.

- Я обещал, что помогу ей, - наконец, говорит Габриэль. – Я дал Марко слово.

- И это никак не связано с тем, что синьора Де Сантис молодая и красивая девушка? Удобная случайность?

- Да, это правда. Я бы выразился точнее: все жёны моих клиентов молоды и красивы. Но даже они уступают привлекательности Эвы.

Внутренности сжимаются. Второй раз за день неприятное чувство наполняет грудь.

- А ещё она вдова моего друга. Кем должен быть человек, чтобы хотеть жену своего только что похороненного друга?

Сглатываю. Кем он должен быть?

Например, мной.

Меня не остановил ни её статус, ни обстоятельства. Я мог и дальше списывать всё на желание завладеть имуществом, но это не изменит того факта, что я *желал* её прошлой ночью.

Мне до маниакальности хотелось увидеть, что скрыто под чёрным платьем, какой длины её волосы и мягкие ли они на ощупь? Я обдумывал, какими на вкус будут чуть покусанные губы, и как загорится светлая гладь её глаз в момент возбуждения? Будет ли стон наслаждения музыкой в моих ушах?

А когда я задаюсь вопросом, всегда получаю на него ответ.

Глядя на мрачающего Моретти, сталкиваюсь лицом к лицу с той сферой жизни, которую всегда обходил стороной или вовсе игнорировал.

Чёртова мораль.

Большая часть человечества живёт по принципам. Они закидают меня камнями, если узнают, что я соблазнил вдову своего брата, да ещё и в день его похорон. Никто не встанет на мою сторону, даже беспринципный адвокат.

Разве что, моя матушка. Но её в расчёт брать нельзя.

Она бы не огорчилась, узнав, что я трахнул жену Марко, лишь разочаровалась, что не утопил её после этого.

В и этой формуле есть один неверный аргумент: я не раскаиваюсь. Признаю даже больше – пошёл бы дальше, если бы вдова не обескуражила меня своим поступком.

- Почему она безропотно переписала на меня поместье и акции?

- Потому что обещала Марко.

- Зачем выполнять обещание мужу, которого уже нет в живых.

- Затем, что Эва – хороший человек. Хоть Августа и утверждает обратное.

- Если она такой *хороший* человек, то для чего оставила себе часть акций?

Адвокатская холодность снова скрывает лицо Моретти. А пальцы вдруг останавливаются.

- Не знаю.

- Я тебе не верю. Ты точно должен знать.

- Эва не только жена друга, она – мой клиент, - строго проговорил Габриэль. – А я не распространяюсь об их планах. Кто как не ты сможешь это понять.

- Что она задумала? Хочет отомстить?

- Есть за что мстить?

Сжимаю кулак. Кто знает, на что способна эта девушка?

- Я скажу тебе только одно: не трогайте синьору. – Мужчина выпрямил спину, а затем и вовсе угрожающе сдвинулся вперёд. - Она достаточно хлебнула в этой жизни. Оставьте её в покое. А если не оставите, я встану на её защиту.

- Угрожаешь мне? – Никакого страха, лишь удивление.

- Нет, предупреждаю. И не только тебя, а всю вашу семью. Я не позволю её обидеть.

В ответ рвутся только нецензурные выражения. Но главным образом злила не сама угроза, а желание другого мужчины бороться за вдову.

- И да, может, ты ответишь мне, почему сегодня утром она спрашивала меня о клиниках, в которых можно сделать анализ крови? Ты ночевал в поместье?

Самодовольство Габриэля может посоперничать с моим. Но в данном случае он думает, что загнал меня в ловушку.

- Пусть сделает, - искренне усмехаюсь. Девушка не хочет принимать тот факт, что раздвинула ноги по своей воле. Её ждёт разочарование. Винить придётся только себя. И, возможно, меня. Но я это переживу.

Встаю, одергивая пиджак. Адвокат же поднимает голову, продолжая сверлить меня строгим взглядом.

- Завтра я улетаю на две недели, могу попросить тебя об одолжении?

Следует кивок без энтузиазма.

- Присмотри за матерью. Мне не нравится её настрой.

Моретти встаёт, отодвигая стул ногой.

- Об этом меня даже не нужно просить.

Глава 5

POV Ева

Затишье в моей жизни выглядело странно и не могло предвещать ничего хорошего. Кофе на языке горчил и жёгся. Часы показывали начало девятого утра, но моя голова ещё гудела после очередной бессонной ночи.

Перешагиваю с ноги на ногу, чувствуя себя неуверенно, словно стою не на кухне собственного дома, а на палубе яхты посреди океана. Шатко. Непрочно. Вот-вот свалюсь за борт.

Вздых, ставший рутиной. Опускаю глаза, упираясь в россыпь бумаг. На самом верху лежал ответ клиники с результатами анализов. Порывисто сжимаю пальцы, сминая лист. Никогда чистая кровь так меня не огорчала.

Смахиваю комок в мусорное ведро. Затем бью ладошкой по столешнице.

Дьявол!

Он ничего мне не подсыпал. Не считая алкоголя, который я сама в себя вливала весь вечер.

Это значило только одно: Ремо Де Сантис взял то, что я с рвением отдала ему сама. Мне нет оправдания, даже искать бессмысленно. И всё же, каждую ночь я сильно жмурилась, прогоняя навязчивые воспоминания, которые возвращались с предательским остервенением.

Раз за разом, я представляла, как отказываю ему. Бросаю обвинение, отталкиваю, называю последними словами. Но вновь погружаюсь в реальность, где были его руки, губы и частые глубокие толчки, доводящие до беспамятства.

Голова тяжёлая, шея наклоняется вперёд, словно больше не может удерживать её. Глаза с точностью находят газетную статью с фотографией нового наследника под ручку с известной моделью. Итальянские таблоиды взорвались, заваливая читателей тонной предположений. Звёздная пара? Невеста миллионера? У них всё серьёзно?

Гримасничаю. Шустрый тип. И когда он успел?

Габриэль упоминал, что он улетел в командировку.

Хотя с чего я решила, что это случилось недавно? Я ничего не знаю о брате своего покойного мужа. До похорон в глаза его не видела.

Возможно, он уже давно с ней. А случившееся в ту ночь, от которой прошло уже больше недели, было изменой. Хотя думаю, что мужчина его уровня не употребляет подобные слова, да и не считает разовые связи чем-то, за что требуются оправдания. Пока совесть выворачивает меня наизнанку, он наслаждается обществом модели под блеском софитов.

Фотография в журнале плохого качества, но даже так видно, насколько она красива. Длинные тёмные волосы, ровный тон кожи. Мужская рука лежит на тонкой талии, изгибом отделяющей высокую пышную грудь от округлых бёдер и стройных ног. Смотрю на свои костлявые пальцы, понимая, что моя измождённая фигура ей явно не соперница.

Злюсь на себя за сравнение. Соперничество? Зависть? С чего я вообще решила это сделать? Из-за ревности? Качаю головой, встряхивая эти мысли.

Перевожу взгляд в открытое окно, из которого виднеется берег Лигурийского моря. Вдыхаю солоноватый свежий аромат. Главным преимуществом этой виллы, без сомнения, является собственный пляж. Из всей недвижимости я не хотела отказываться только от этого дома, поэтому, ни секунды не сомневаясь, переехала сюда.

Несколько раз я просила Марка перебраться в этот уютный уголок, но он предпочитал томиться в стенах фамильного склепа, из окон которого открывался вид лишь на величественные надгробия, не вызывающие ничего, кроме уныния.

Возвращение в Россию я не рассматривала вовсе. Меня там ждала лишь череда тоскливых воспоминаний и мрачной реальности, ничем не отличающихся по антуражу от семейного кладбища Де Сантис.

Есть вероятность, что при других обстоятельствах мне пришлось бы поселиться в Риме. Там также имелась квартира. Но пока этой необходимости не возникло, я наслаждалась тишиной и спокойствием. А главное, здесь я чувствовала себя в безопасности, хоть уединенность временами царапала душу. Всё же к ней легче привыкнуть, когда происходит принятие.

Увы, жизнь не баловала меня заботой и любовью. Даже то, что сперва казалось ею, было лишь прикрытием для субституции. Так легко заменить одного человека другим. С тех пор, как я узнала, не могла не задавать себе один и тот же вопрос: когда он смотрел на меня, кого видел?

Газета летит в мусорное ведро вслед за результатами анализов. Словно недостаточно мужчины из этой семьи проехались по мне. Один лежит в земле, другой уже нашёл себе невесту, а я... больше не буду о них вспоминать.

Моё тело устало. Оно буквально молило меня об отдыхе, каждым скрипом костей призывая уйти в спячку, чтобы восстановиться. Я собиралась ему это дать.

День выдался на удивление солнечным и жарким, давая возможность погреться перед осенней прохладой.

Поворачиваюсь на широкой кухне, обставленной в классическом итальянском стиле. Теплые, пастельные оттенки; каменный пол и стены; мебель из натурального дерева, в том числе и барная стойка; открытые полки для посуды; лёгкие шторы, колыхающиеся от морского ветерка. Здесь было по-домашнему уютно. Как и во всем доме.

Беру широкое и длинное полотенце, книгу, складываю их в плетеную пляжную сумку. Поправляю топ, широкую рубашку, шорты, затем надеваю шляпу.

Далеко уйти мне не удалось. Стоило открыть дверь, как передо мной возникли офицеры полиции с серьёзными лицами, не предвещающими ничего хорошего.

- Синьора Эва Де Сантис? Вы арестованы по подозрению в мошенничестве.

Глава 6

POV Ремо

- Что ты только что сказал?

Останавливаюсь слишком резко, отчего отстающий секретарь влетает в мой чемодан.

Поездка хоть и оказалась удачной, особой радости я не чувствовал. А стоило выйти из самолёта, как меня дезориентируют новости. Мне не свойственна наивность: я прекрасно понимал, что мать не остановится. Но даже предположить не мог, что она решится зайти настолько далеко.

- Д-да, - заикается Лео, ударившийся ногой, - синьора Августа написала заявление в полицию.

- Mannaggia!

Оборачиваюсь. Без сочувствия наблюдаю, как он сморщился и едва сдерживается, чтобы не начать по-детски прыгать на месте.

Мне тоже требуется усилие. Раздражённо поправляю галстук, который вдруг душит. Это занимает пальцы, мешая порыву хорошенько встряхнуть своего секретаря, приводя его в чувства. Знает ведь: мне не нравятся отрывистые доклады. Информацию я воспринимаю целиком, не выуживая вопросами.

- Когда?

Лео выдохнул, взяв себя в руки, и сильнее сжав ими планшет в котором заключена вся его работа.

- Неделю назад.

- Почему я об этом узнаю только сейчас? – гаркаю, не заботясь о посторонних любопытных взглядах. Если мать не думает о репутации, так с чего мне тревожиться? Она превратит нас в посмешище за секунду, стоит только новостям дойти до газет.

Продолжаю путь к выходу, потащив за собой чемодан, шаркающий об пол.

- Ваша мать обратилась в частную контору, - затараторил секретарь, едва поспевающий за мной. - Наши адвокаты узнали, когда полиция арестовала синьору Де Сантис.

- Что? – Чертыхаюсь, вновь затормозив. - Они арестовали вдову Марко?

На этот раз Лео уворачивается, отпрыгнув. Меня радует, что он учится рефлексировать.

- Да, - пискнул.

- На каком основании?

Секретарь прочищает горло под моим строгим взглядом. Делаю вдох, прикрывая глаза. Повторяю себе, что этот худосочный парень виноват только в том, что плохо делает свою работу. Хотя этого достаточно, чтобы вышвырнуть его из компании. Жалко, что это не решит проблему, а лишь создаст новую. Последнее, чем мне сейчас нужно заниматься, это подбором персонала.

- Мошенничество. Проходит проверка.

- Но почему синьора в тюрьме?

- Полиция опасается, что она может попытаться скрыться за границей, так как у неё двойное гражданство.

- Maledizione! Чем, мать вашу, занимается Моретти?

Вот уж кто точно должен был знать, что происходит. Но и он не потрудился набрать мой номер, дабы сообщить, что имя моей семьи вот-вот швырнут с обрыва в руки линчевателей.

- Прямо сейчас он пытается добиться освобождения синьоры. Но полиция настроена решительно и ваша мать... - кадык секретаря дёргается, - тоже.

Мы выходим на улицу, упираясь в припаркованную у края тротуара машину. Не дожидаясь, когда водитель уберёт мой чемодан в багажник. Как только Лео, заёрзав, занимает своё место напротив меня, даю знак, что нужно поспешить.

- Мне нужно с ней увидеться. Где она сейчас?

- Кто? – Недоумение на физиономии Лео заставляет мои губы сжаться до онемения. И всё же мне удаётся процедить:

- Моя мать.

- В поместье, - спешит осведомить секретарь, уже явно распрощавшийся со своей головой, как гонец, приносящий плохую весть.

Вздыхаю, потирая переносицу большим и указательным пальцем. Почему именно там?

POV Ремо

На пороге меня встречает Бруно. Я был уверен, что мама уволит его сразу, как только узнает, что дом снова принадлежит семье. Но я недооценил её стремление к консерватизму. Традиции побеждают прогресс.

Уже в холле я ощутил возвращение атмосферы. Попытки новой хозяйки впустить свежий воздух в эти стены оказались тщетны. Шмыгаю носом, сталкиваясь с едкостью шафрана. Мама зажгла свои любимые палочки благовония. Ненавижу шафран.

- Синьора Августа в саду.

Голос дворецкого потерял тепло вместе с переездом вдовы, став холодным и бесцветным, и наряду с серым лицом больше подошёл бы мертвецу.

Киваю, не задумываясь о том, что человек, которому я плачу жалование, может оказаться ожившим трупом. Прохожу через весь дом, чтобы выйти в сад. Благодарю архитектора хотя бы за то, что сад находится по другую сторону от кладбища. У меня нет никакого желания лицезреть семейные надгробия.

Мать сидела на каменной скамейке в окружении античных статуй и зарослей желтого ракитника. Её отрешённое лицо ничем не отличалось от Бруно. Невольно вспоминаю, какой измученной была бывшая хозяйка. Дом проклят? Или сами люди, переступающие порог поместья?

- Вернулся? – Мама не смотрит на меня, её больше занимает каменная горгулья. – Быстро ты.

- Как ты себя чувствуешь?

Женщина поднимает руку, пресекая любые дальнейшие вопросы. Но не в этот раз.

- Видела новости о тебе и Мие Каналис. У неё приемлемая семья. Я одобряю.

Сколько бы мне не было лет, перед матерью я продолжаю чувствовать себя провинившимся ребенком. Она никогда не была внимательна ко мне. Часто думаю, что я родился как запасной наследник. Скорбная перспектива оправдалась.

- Зачем ты это сделала? Разве я не говорил, что разберусь сам?

Бледное лицо перекошило. Она резко вскочила на ноги, отчего аккуратно уложенные пряди чёрных волос колыхнулись. Мама поправила их, удостоверившись в целостности заколки с драгоценными камнями в форме лепестков. Это жест призван скрывать внутренний гнев, который уважаемая синьора не может себе позволить. И всё же когда дело касается жены своего старшего сына, она никогда не могла сдержаться.

- Тебе бросили этот дом, как кость собаке, и ты доволен? Думаешь, я останусь довольна? Она опозорила нас!

- Поэтому ты решила сообщить об этом всей стране?

- Я хочу наказать её!

- Пока нам удаётся сдерживать газетчиков, но они прорвутся, когда начнётся суд. Мошенничество, господа... – сжимаю переносицу. - Мама, - делаю самый глубокий вдох в своей жизни, - ты понимаешь, какой это будет скандал?

Взрослая женщина поджигает губы, словно обиженный ребёнок, у которого отобрали конфету.

- Мне всё равно.

- Будет ли тебе всё равно, когда нас перестанут приглашать на мероприятия?

- Что плохого в том, что я хочу наказать девчонку, обманувшую моего сына?

- Кто сказал, что она его обманула?

- Ты с ней снюхался? – Мама всплеснула руками. – Поэтому она переписала на тебя акции? Ты провёл здесь ночь, что вы делали? Она и тебя околдовала? Ведьма!

- Ничего не было, - лгу, сжимая пальцы в кулаки, затем поспешно убираю их в карманы брюк. По моему лицу проходит тень. Мысли о той ночи под запретом. Навсегда.

Мама ничего не замечает, зацикленная лишь на себе.

- И всё же она тебя обыграла. Почему не отдала все акции? Для чего оставила себе часть? Это какой-то план? Хочет навредить компании?

Это тот вопрос, который я задаю себе снова и снова. Но сколько бы ни старался, не могу найти ответ. Акции слишком мало, чтобы иметь какой-то вес в компании, но достаточно, чтобы комфортно жить на процент прибыли.

В этом всё дело? Разве у брата не было забитого от отказа счёта? Произошло что-то, чего никто не знает, кроме вдовы и Моретти?

Я теряюсь в догадках, но нет ни одной достаточно веской, чтобы можно было за неё зацепиться. Но что я точно знаю, так это то, что...

- Если разразится скандал, и общество узнает, что бывшего главу компании обманула мошенница, акции упадёт в цене на столько, что ущерб будет неизбежен.

Пытаюсь привести мать в чувства рациональным выводом, заранее зная о проигрыше. Матери нет дела до компании: она жаждет мести. Ею движет желание обвинить всех вокруг, кроме покойного сына. Хотя именно он был настолько глуп, что расселился у женских ног. Какими красивыми они бы ни были...

Стон срывается с покрасневших женских губ: моя щетина оцарапала нежную кожу. Хрупкая спина прогибается, грудь прижимается к моей груди, а ноги обвивают мои бёдра, подталкивая меня войти в податливое женское тело ещё глубже.

Клацаю зубами. Флешбэки накрывают в самые неподходящие моменты. Тяну галстук: меня бросило в пот.

- Сделай так, чтобы её посадили! Тогда мы будем жертвами. Нас пожалеют!

- Нас поднимут на смех. Мама, per favore ...

- Zitto! Ты такой же бесполезный, как и всегда! Марко бы меня понял и сделал всё, как нужно.

- Именно из-за него мы в таком состоянии. Именно из-за того, что он не смог выполнить свои обязанности, мы вынуждены смириться с унижением.

- Я не собираюсь мириться! Не смей порочить память о брате! Я очищу его имя.

- Марко мёртв. Тюремное заключение его вдовы не вернёт ему жизнь.

Лицо матери позеленело от нахлынувшей злости. Она сцепила зубы, едва выдавила:

- Она не была ему женой, чтобы зваться вдовой. Эта ведьма – преступница.

Неважно, что говорит мать. Решение я принял уже давно. Но больше не боялся признать, что изначально не собирался добиваться ареста вдовы. А сейчас признаю, что в мои планы не входит упечь её в тюрьму.

Глава 7

POV Ева

Медлительность. Именно так можно охарактеризовать всю судебную систему страны. Габриэль делал всё возможное, чтобы ускорить процесс, поэтому ожидание заседания сократилось до месяца – на зло синьоре Августе Де Сантис, истца. Процесс осложняло то, что я – иностранка, пусть и с гражданством. Домашний арест следствие полностью отвергли, ссылаясь на второе гражданство.

Суд тянулся хлеще жвачки со вкусом ледяной вишни. Чем дальше, тем тошнотворнее вкус. Когда уже не чувствуется ни мяты, ни ягод, лишь противное послевкусие. Хочется скорее выплюнуть и запить, но никто не даёт урну, да и воду зажмут. Отчаянно борюсь с желанием приклеить субстанцию под стул, убеждая себя в том, что я взрослый ответственный человек, а не школьник.

Заседание было закрытым во избежание разглашение семейных тайн прессой. Но здесь все равно присутствовали адвокаты, какие-то родственники, включая брата и сестру Марко, которая наравне с матерью буквально прожигала меня ненавистью.

Меня не посадили в клетку, как животное, только благодаря синьору Моретти. Сейчас он сидит по мою правую руку, отвечая на все выпады прокурора, словно в пинг-понге. На меня уже вылилось столько грязи, что казалось, отмыться будет невозможно. Липкий слой навсегда похоронит мою кожу, перекрыв доступ к кислороду. Остаётся поджечь и наслаждаться шоу.

А жвачка, издеваясь, всё тянулась, словно лапша на станке, изредка, но с завидной регулярностью прерываясь на резкие оскорбительные выкрики свекрови. Предупреждения судьи и жалобы адвоката на неё не действовали. Оставалось лишь ожидать окончания данного фарса, по вине которого я четыре недели провела в камере. Не самое приятное занятие, я уже молчу о том, насколько оно оскорбительное.

Но сейчас все выпады Августы я принимала с гордым молчанием. Губы презрительно изгибаются: знаю, что ей до меня не добраться. Сродни тому, как стоять напротив клетки с запертым хищником. Он может сколько угодно кидаться, но никогда не выберется, чтобы укусить. Это бесит женщину даже больше, чем мои ответы.

Хочешь довести до белого каления агрессора – не реагируй, делай вид, что ничего не происходит. И тогда можешь получить удовольствие от созерцания пурпурного лица оппонента.

Габриэль был уверен, что дело развалится под доводами рассудка. Оно и так высосано из пальца и необоснованно раздуто. Обвинение перебрало несколько предположений, в том числе едва ли не инкриминировало мне убийство собственного мужа. В протест ему выступила судебно-медицинская экспертиза. У Марка была лейкемия. Никакие вбросы Августы о том, что я могла что-то добавить в его лекарство, не оправдались.

У следствия осталась ко мне только одна претензия – мошеннические действия в отношении больного. Но и она трещала по швам, сколько бы её не сшивали.

Прокурор утверждал, что я, будучи осведомлённой о болезни мужчины, соблазнила его с целью наживы, заставив переписать на меня всё имущество.

Разумный аргумент: адвокат Моретти лично оформлял документ – никого не интересовал, подрывая тем самым его авторитет в юридическом мире. На моих глазах рушилась его многолетняя связь с семьёй Де Сантис. После такого оскорбления он не будет с ними сотрудничать. Было обидно, но я не чувствовала свою вину.

Глава семейства занял место в первых рядах данного представления. Холодная маска на его лице не давала мне понять, какого он мнения о цирке, что устроила его мать. Только раз, когда мои глаза возвратились к нему, я заметила сдвинутые брови, свидетельствовавшие

о недовольстве. Но сложно было определить: недоволен ли он плохой работой следствия, или же абсурдностью самой ситуации.

С нашей последней встречи прошел месяц. Конечно, он не успел разительно измениться. А вот меня подкосило не в лучшую сторону. Мельком в туалете я заметила чёрные круги под глазами, отчего худоба казалась почти смертельной. Словно это я была больна, а не покойный супруг.

Габриэль утешающе кивнул, давая понять, что понимает мою усталость.

- Остался последний свидетель, - огласил судья. – Его заявил адвокат, поэтому прошу.

- Какие ещё свидетели у этой мошенницы? – вскидывается свекровь, но реплика не удаётся и секундой внимания.

Вскидываю брови, недоумевая. Догадка накрывает, когда в зал вошёл мужчина средних лет, с проседью и худощавым телосложением. На нём был светлый костюм, отличающийся от того, что он носит на работе. То есть почти всегда.

- Представьтесь, синьор, - просит судья.

- Бруно Руссо. Я дворецкий в фамильном имении Де Сантис.

Представитель закона кивает, затем передаёт слово синьору Моретти.

- Скажите, синьор Руссо, вы знаете подсудимую?

- Конечно, - уверенно отвечает Бруно своим ровным голосом. Поджимаю губы, когда на глаза навернулись предательские слезы. Это как услышать родного человека спустя долгое время. Понимаю, что соскучилась. – Синьора Эва Де Сантис – жена Марко, ныне вдова.

- Вы помните, как она появилась в доме?

- Сразу после свадьбы. Синьор Марко привёз девушку и сказал, что отныне она его супруга, хозяйка. Мы должны уважать её и во всём слушаться.

- Какой хозяйкой была подсудимая?

Бруно ловит мой взгляд. Он серьезен, впрочем, как обычно. Но глаза смотрят на меня по-доброму, даже с отеческой мягкостью.

- Синьора никогда не злоупотребляла властью. Она не ругалась, не повышала голос на слуг, не командовала, всегда относилась уважительно, не смотрела свысока.

- Слуги её любили?

- Ваша честь, - начал возражать прокурор, вставая.

Судья же остановил его одним движением руки, а другим велел Моретти продолжать.

- Да, - Бруно кивнул, подтверждая. – Во всяком случае, никогда никто не отзывался о ней плохо. И ни один работник не пожаловался.

- А какие взаимоотношения были между подсудимой и её супругом?

- Я не понимаю, что ты хотите узнать, - осторожно проговорил дворецкий. – Прислуга не должна следить за личной жизнью хозяев.

- Мы это понимаем и уважаем, - соглашается Габриэль, - но сейчас синьору судят, поэтому любая информация может пролить свет на дело. Скажите, Эва и Марко ссорились?

- Да.

В зале охнули, ожидая, что вот сейчас меня выведут на чистую воду. Сглатываю, хотя понимаю, что Бруно не будет лгать в угоду хозяев.

- Часто?

- В первый год они ссорились часто, - выдыхает мужчина. Я опускаю голову, успев заметить победную ухмылку на лице Августы.

Но адвоката этот ответ не расстроил. Он спокойно продолжил допрос.

- Вы можете назвать причину конфликтов?

Отчётливо слышно, как Бруно вздохнул.

- Я старался не слушать, но они ругались громко. И не всегда на итальянском. Временами переходили на русский язык. Я его не знаю.

- Скажите то, что смогли понять и слышали против воли.

Казалось, весь зал замер в ожидании ответа. Бросаю взгляд на Ремо. Он закусил нижнюю губу, сдвинув брови, словно действительно ожидал вердикта.

- Из того, что я понял... - аккуратно начал Бруно, косясь на Августу, предчувствуя её реакцию. - Синьор не рассказал синьоре о своей болезни до брака. Она узнала случайно, и уже после.

- Это всё? – подтолкнул Габриэль.

- Ещё они ссорились из-за того, что синьор не желал лечиться. Он отказывался проходить терапию.

- И подсудимая хотела, чтобы он это делал?

- Протестую, ваша честь!

- Продолжайте, - беспристрастно скомандовал судья. Даже Августа притихла. Возможно, ей было интересно узнать о жизни своего сына. А, может быть, во что я верила меньше, делал своё дело авторитет пожилого дворецкого.

- Да, синьора настаивала на лечении. Она много плакала и просила его об этом.

Жмурюсь, почувствовав влагу в глазах. В горле запершило. Я сжалась, зная, что он скажет дальше.

- Синьора Эва просила не оставлять её, говорила, что не может больше остаться в одиночестве, не переживёт этого.

Захотелось встать и крикнуть: «Хватит! Не надо говорить этого здесь. Не перед этими людьми. Их это только порадует».

Моргаю. Зачем-то смотрю на Ремо. Он выглядел странно задумчивым. И его взгляд целиком сосредоточен на мне, хотя вряд ли при этом мужчина меня видел. Словно я загадка, которую он собирается разгадать. Или просто думает, стоит ли оно того.

- Что было дальше? – Даже если адвоката и волновали мои чувства, сейчас оглядываться на них не было смысла. На кону стояла моя свобода и его честное имя.

- Когда синьор начал лечение, ссоры прекратились. Но синьора оставалась грустной. Она мало ела, почти не улыбалась.

- А когда Марко слёг в кровать и не смог больше вставать? Кто за ним ухаживал?

- Синьора Эва, - поспешно ответил Бруно, словно мог не успеть. – Она не отходила от постели ни на шаг, даже ночевала в комнате больного, на тахте.

- Скажите, кто-нибудь из его родных навещал Марко?

- Нет. – Снова опасливый взгляд на свою возрастную хозяйку. – Никто не приходил.

- Почему?

- Я не знаю, синьор. Но слуги сплетничали, что синьора Августу не приняла невестку. Марко разозлился, поэтому оборвал все связи.

- Как вы думаете, синьора вышла замуж с целью завладения имуществом покойного?

- Нет, она не знала, что он болен. Я это точно слышал.

- Протестую...

- У меня всё, ваша честь, - закончил Габриэль с победной ухмылкой.

Бруно поднялся со стула. Сложно сказать, о чём он думал, ведь его показания перечёркнули обвинение. Уверенным шагом он пошёл против Августы Де Сантис, и теперь дорога в поместье ему закрыта.

Он занял своё место среди зрителей. Его спокойное лицо давало мне надежду, что Бруно справится с последствиями. И всё же я должна была ему помочь.

Далее последовали прения. Прокурор продолжал настаивать на наказании, хотя всем в зале было очевидно, что обвинение состоит из сплошных оговоров истца. Адвокат перечил ему, указывая на иллюзорность доказательств. Суд удалился в совещательную комнату.

Вернулся же достаточно скоро.

Поджилки замерли.

Из всей речи я разобрала только одно слово - невиновна. Твёрдая рука правозащитника накрывает мою кисть. Но я слабо её ощущаю, находясь в некоем подобии транса. Облегчение микротоком расходится по моему телу, ударив по ушным перепонкам, оглушив на миг.

В тюрьму я не вернусь. От этой новости плечи расправляются, а подбородок горделиво задирается. Окидываю презрительным взглядом присутствующих, точно представляя, что ни один из них не хотел моего освобождения. Взгляд задерживается на единственном мужском представителе фамилии Де Сантис. Это ненадолго. Он отвечает мне немым вопросом, застывшим на лице. Что дальше?

Августа же рвала и метала, закидывая колкими словами и оскорблениями, ничего во мне не вызвавшими.

- Это не конец! – верещала она. – Я добьюсь правды всеми возможными способами! Ты заплатишь за обман! Мой бедный сын... - всхлипнула женщина, открыв горе матери, потерявшей ребенка. – Мой бедный Марко... Как же тебя заманила эта ламия?

Ремо особо не отреагировал на материнские завывания, лишь сделал глубокий вдох, словно смирился.

Габриэль подал мне мою сумку и жакет от брючного костюма свободного кроя, который я накинула поверх блузы. Затем жестом предложил мне взять его под руку, чтобы победителями выйти из зала суда.

Я покачала головой, ринулась к выходу, чтобы догнать Бруно. Сделать это удалось уже в коридоре.

- Синьора? – удивился мужчина, после того как обернулся на звук моих шагов.

- Они теперь уволят вас и...

- Да, - снисходительно улыбается в ответ, но глаза его печально блеснули. И все же он пожимает плечами: - Я слишком долго находился на одном месте, пора сдвинуться, чтобы не покрыться мхом.

- Вы же знаете, куда я перебралась? – понижаю голос, но не подхожу ближе, чтобы нас не обвинили в заговоре против святого семейства. – Вилле не хватает заботливых рук, да и обо мне некому позаботиться. – Мягко улыбаюсь, понимая, что мои слова правдивы. Я скучала по тихим нравоучениям старика и его ненавязчивой заботе, прикрываемой обязанностями. – К тому же, - закидываю удочку, подогревая интерес, - скоро, возможно, появится новый подопечный. Ваша помощь будет просто необходима.

И я не промахнулась. Бруно, действительно, был заинтригован. Характерный прищур свидетельствовал о задумчивости.

- Я позвоню вам, синьора. Мне нужно время подумать.

- Конечно, - соглашаюсь, чувствуя положительный ответ.

С нами ровняется Габриэль. Бруно уважительно кивает, затем порывисто и по-отечески гладит меня по голове, после чего степенно удаляется.

- Ты молодец, - хвалит адвокат. – Ему точно заказана дорога в поместье.

На этот раз я принимаю предложение ухватиться за него. Уже двинувшись к выходу, он предложил:

- Мы можем подать встречный иск за клевету и взыскать...

- Нет, - резко обрываю прагматичного адвоката. – Мне это не нужно. Я больше никогда не хочу оказываться перед судом, неважно на какой стороне буду сидеть. Просто найди его. – Поджимаю губы, чувствуя раздражение: - Найди.

Прикрываю глаза, чтобы смахнуть разочарование от затянувшихся поисков. Поэтому не замечаю причины неожиданной остановки, подчиняясь Габриэлю.

- Нужно поговорить, - безапелляционно заявляет Ремо, преградивший нам дорогу.

- Вы можете сообщить мне, законному представителю, а я в свою очередь передам синьоре Де Сантис.

- Это личный разговор.

Адвокат отрицательно качает головой, наглядно показывая, что он об этом думает. Но я смотрю перед собой, пытаюсь разгадать, что задумал мужчина, который уже раз с лёгкостью перешагнул грань дозволенного.

Страх нет, есть лишь любопытство. Что он хочет мне сказать? И будет ли хоть какой-то смысл в его словах? Обвинение или... Нет, он точно не будет просить прощения.

- Хорошо, - слышу недовольное шуршание – синьор Моретти поскрёб пальцами свой портфель.

- Сюда, - Ремо развернулся и направился к деревянной двери.

- Я подожду здесь, - Моретти пододвинулся к стене, чтобы не загораживать проход.

Глава 8

POV Ремо

Мы проходим в комнату, который можно принять за кабинет секретаря. Стол, множество стульев - вот и вся мебель.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на девушку.

Её вид вызывал разве что непрошенную жалость. Немытые либо тщательно смазанные гелем волосы были собраны в высокий хвост так, что даже волосинки не выбивалось. А костюм буквально висел на ней, как на вешалке – идеальный вариант для модели. Возможно, она и была ею. Тогда ответ получит вопрос: как же они познакомились? На суде она ограничилась общими фразами, не рассказывая детально, отчего дымка прошлого становилась лишь плотнее.

Сложно понять, что за жизнь у неё была до встречи с Марко, но в ней явно было мало приятного. На заседании не было ни одного знакомого или родственника. Разве она не перевезла свою семью в лучшую жизнь, используя ресурсы состоятельного супруга?

Почему-то раньше я не задавал себе этот вопрос. Она сирота? Или у неё плохие отношения с родными? На мысли меня навел допрос Бруно, и факт того, что девушка боялась остаться в одиночестве. Правда ли она любила моего брата?

Я думал, что это невозможно, но сейчас вдова выглядела даже хуже, чем после похорон. Тени под глазами стали больше, лицо казалось измождённым, даже больным. В следственном изоляторе с ней плохо обращались?

Мысли, блуждая, уводят меня в сторону. Отгоняю их, чтобы сосредоточиться на главном. Меня настораживает нездоровый интерес к этой еле живой особе, в руках которой теперь есть козырь против нашей семьи.

Прячу руки в карманы брюк, напуская на себя невозмутимое спокойствие, сдерживая поспешное желание вытрясти из неё все ответы здесь и сейчас.

- Надеюсь, ты понимаешь, - начинаю медленно, - что огласка данного прецедента навредит обеим сторонам конфликта?

- Я искренне надеялась, что у вас осталась хотя бы капля совести, чтобы для начала принести мне свои извинения. Пусть они будут нести чисто символический характер.

- Я не хотел, чтобы тебя судили.

- Неужели? Поэтому не остановил свою мать? – Видя мой вздох, она презрительно морщится. – Вот только не говори мне, что ты не знал. Как это возможно?

- Я её недооценил, - признаю, устало прислоняясь к краю стола. – Я был в командировке. Мне сообщили, только когда самолет приземлился в аэропорту Рима.

Она скрещивает руки на груди, смотря на меня с вызовом. Надо признать, что хоть форма у неё потрёпанная, но содержание пылает огнём несломленного духа.

- Мне от этого никакой пользы. Сплошная головная боль.

- Это я провела в заключении месяц, - напоминает вдова, указывая на себя. – Плевать мне на твою головную боль. Связь с вашей семейкой не принесла мне ничего, кроме несчастья. .

- А как же внушительное наследство? – хохотнул, хотя абсолютно не чувствовал веселья, тут же переходя к делу: – Кстати о нём. Ты ведь понимаешь, что если подашь ответный иск, это навредит компании. Мы уже не сможем скрыть информацию от прессы.

Девушка удивлённо приподнимает брови.

- С чего ты взял, что я буду думать о вашей компании? Это после того, какой вред вы со своей мамашей мне нанесли?

Шагаю вперёд, напирая, как если бы раздражили собаку на цепи. Только я свободен, поэтому могу дотянуться.

- Вред? Какой это вред я тебе нанёс, м? – Она не намного ниже меня, но я шире в плечах и явно вешу больше, поэтому сделать ей больно, не составило бы труда. Но вместо этого я подхожу почти вплотную, чтобы подавить дерзкий выпад. - Расскажи мне? Что я сделал?

Отдаю ей должное за недрогнувшую мину, даже при учёте явной угрозы. Вдова наоборот выше задирает подбородок, словно так может стать весомее. Всё равно оставаясь жалкой букашкой, кидает обвинение:

- Ты собирался обманом забрать у меня наследство. Кто ещё из нас мошенник? Я молчу о том, что ты напоил меня и...

- Я не брал тебя силой, - злость закипает в жилах от несправедливого оговора. – Ты сама отдалась мне. И напилась тоже сама.

Наклоняю голову, тут же осознавая свою ошибку. Раскосые голубые глаза цепляют меня, словно рыбу на крючок. Нос едва заметно улавливает аромат чистого белья, без едких примесей дорогих духов. Я замер, не в силах справиться с наваждением, ведь в голове уже возникают фрагменты той ночи.

- Тебе понравилось, - говорю я, затем мысленно признаю: мне тоже. – Ты не сопротивлялась. Не отталкивала меня, - голос понижается – верный признак потери контроля. – Ты цеплялась за меня. Целовала.

Её глаза потемнели, а взгляд перестал фокусироваться. Кадры мелькают не только в моей голове.. Не останавливаю порыв, провожу пальцем по красивому женскому уху, лишённому всяких украшений, будто заправляю невидимую прядь. От контакта покалывает кожу. Довольный слышу порывистый вдох.

Склонюсь ниже, овеивая изгиб своим дыханием.

- Я был нежен.

Тонкие руки на удивление сильные. Она отталкивает меня, зарывав ошпаренной кошкой. Делаю шаг назад, воодушевлённо ожидая ответной реакции.

- Ты опять пытаешься это сделать? Думаешь, я снова куплюсь? Даже не мечтай, что соблазном заставишь меня делать то, что тебе нужно!

Наглая улыбка говорит ей, что я несколько не сожалею. Вот только знать о том, как я сам едва не попался, ей точно не стоит.

- Я подам заявление о клевете только ради того, чтобы насолить тебе!

- Тогда пострадает компания, - беру себя в руки, зная, что её угроза может быть реальной.

- Повторяю - меня не волнует ваша чёртова контора.

- Но ведь у тебя остались акции. Если компания пойдёт ко дну, то якорем потащит всех акционеров. Тебя в том числе.

Вдова выругалась, глядя в потолок. Осознание хорошо остужает пыл.

- Договорились, - резко и слишком уж спешно соглашается. – Я забуду об этом ужасе, а ты будешь держать Августу как можно дальше от меня. И себя тоже.

- Может, тебе стоит вернуться домой? В Россию.

- Забыла спросить, что мне делать! – Щёки девушки краснеют. – Я больше никогда не хотела бы вас видеть. Но я реалистка, поэтому признаю, что это невозможно. К тому же... - останавливается, не договорив, вызывая любопытство. – Ничего. Если это всё, что ты хотел мне сказать, то я пойду. Меня ждут.

- Моретти?

Подреберье кольнуло неприятное собственническое чувство.

- Горячая ванна и мягкая постель, - выдаёт вдова, после чего оставляет меня наедине с кучей стульев с мягкими спинками.

Не могу удержаться, чтобы не представить девушку обнажённой и распаренной.

Волосы собраны в пучок, умоляя мои пальцы распустить их. Голова откинута назад, отчего высокая грудь приподнимается.

Пена облипила её, вызывая желание полить соски чистой водой, чтобы услышать лёгкий стон. Женское тело покрывается мелкими мурашками, а я закатываю рубашку, чтобы опустить руку в мыльную воду.

Провожу по мягкой коже живота, не встречая возражения. Лишь тихий ропот о том, что это неправильно. Но это лишь подстёгивает желание.

Меня тянет ниже, туда, где шелковистые лепестки скрывают горячую плоть. Давлю пальцем на клитор, чувствуя дрожь тела. Круговыми движениями спускаюсь вглубь.

Девичий рот приоткрывается, когда я просовываю палец во влажную промежность. Помню, как узко мне было внутри неё. Низ живота сводит спазм.

Член наливается, давя на плотную ткань брюк.

Сгибаю палец, чтобы усилить давление.

-М-м-м, - срывается с нежных, слегка искусанных губ. Останавливаю скольжение, понимая, что не могу терпеть.

С брызгами достаю руку из воды. Почти отрываю пуговицу, растёгивая штаны. Нависаю над вдовой. Её глаза широко распахиваются от изумления. Я же запечатываю рот поцелуем, граничащим с болью. Никакой нежности, осталась лишь нужда.

Обхватываю женскую шею сзади, отрываю губы, делая резкий вдох. Вода выливается из краёв ванны, заливая пол, когда я потянул девушку к себе, заставляя её встать на колени.

Мокрые пальцы хватаются за мой ремень, чтобы удержать равновесие. Её лицо оказывается на уровне моего паха. Живот дёргается, когда я вижу затуманенные голубые глаза, направленный на выпирающий член.

Резинка трусов давит, спускаю её, чтобы освободить молящего. Губы девушки делают идеально о. Зарываюсь пальцами в её волосы, наматываю на кулак. А она наклоняется, чтобы коснуться меня...

Жмурюсь так сильно, что перед глазами белеет, а уши закладывает. Матерь божья! Это всё длительное воздержание. Всё, что мне нужно – это встретиться с Мией в надежде, что ей удастся утолить голод.

Но звон в ушах ещё долго преследовал меня.

POV Ева

Меня встречает лимонный аромат средства для уборки. Руби, женщина, которую я наняла, чтобы следить за домом, тщательно подготовила его к моему возвращению.

Она радостно щебетала в трубку, узнав, что меня оправдали. Вот только я уже не разделяла её энтузиазм. Силы покинули мое тело, стоило мне оказаться в машине Моретти, вызвавшегося довезти меня до виллы, несмотря на то, что ехать предстояло несколько часов. Приглашать в гости я никого не собиралась, о чём предупредила, получив удовлетворительный ответ.

Сон сморил меня почти сразу, как только мы выехали за пределы города. Я без зазрения совести пускала слюни на кожаный подголовник дорогой машины адвоката.

И вот я дома, тру затёкшую шею после неудобной позы.

Бросаю сумку на пол, прохожу на кухню. Руби оставила на столе бутылку белого вина и немного закусок. Её забота вызвала улыбку, хоть и вымученную.

Отодвигаю предложенный бокал, открываю бутылку, подношу её к губам, запрокидывать голову, делая жадный глоток. Приятный фруктовый вкус, напиток орошает пересохшее горло.

Осматриваюсь, пока поднимаюсь на второй этаж. Правой рукой удерживаю бутылку, которую прихватила с собой, желая только одного - напиться и отключиться.

Дом больше не вызывает у меня ощущение безопасности. Его словно осквернили, вторгнувшись на территорию.

Красивая мебель уже не казалась мне удобной. Высокие потолки давили. А светлые стены напоминали казённые. Даже деревянная лестница скрипнула под моей пяткой.

На втором этаже две ваннные комнаты и три спальни. Все они примерно одинакового размера, но с разным видом из окна.

Хозяйская была с видом на задний двор и море, вдобавок имела собственную ванную. Я оставила её за собой. Вторая по величине комната сейчас находилась в руинах затеянного ремонта. Я не успела ничего предпринять, когда меня арестовали.

Открываю спальню по пути, чтобы увидеть тот же оставленный беспорядок. Успокаиваю себя тем, что у меня ещё есть время привести её в надлежащий вид. Хозяин пока не объявился. Я сделаю всё, чтобы ему было уютно и тепло – так, как никогда не было мне, даже в стенах собственного дома.

Снимаю с себя костюм, развязываю блузку, выкидываю нижнее бельё в стирку. Прохожу в ванную комнату. Она мне нравилась своей непрактичностью.

Большая белая ванна на золотых ножках в самом центре. Напротив неё широкое окно с видом на морской берег. Слева стеклянный душ во всю стену, справа зеркала с подсветками, под ними две раковины, вставленные в мраморные столешницы, поддерживаемые тумбами с широкими ящиками.

Я открыла кран, отрегулировав горячую воду. Заколола волосы в пучок, распахнула окно, впустив холодный солёный воздух. Поёжилась, переступив с ноги на ногу, сделала несколько глубоких вдохов, после чего вернулась к ванне.

Сперва попробовала воду кончиком пальцев ноги, затем опустила стопу. После чего залезла полностью.

Вода принял меня с жаром, обволакивая уставшую кожу. Контраст прохладного ветра, гуляющего по комнате, с горячей водой заставил моё тело приятно содрогнуться. Соски напряглись, становясь чувствительными. Ниже пупка заныло.

Тянусь к бутылке, делаю серию глотков, развалившись в ванне.

Спустя долгие минуты блаженного отмокания, достаю мыло. Тщательно намыливаю мочалку, затем провожу по коже, нажимая сильнее необходимого, пока ощущение чистоты не отзывается скрипом. Руки, шея, плечи, грудь, двигаюсь ниже, живот дергается, когда губка касается промежности.

Закрываю глаза, вспоминая, как мужская рука ласково обвела моё ухо, а дыхание коснулось моего лица, когда он нагло вторгся в личное пространство.

Напряжение копилось долгие дни, моё тело ощутимо нуждается в разрядке. Я не настолько невинна, чтобы этого не осознавать. Но возбуждающий образ, то и дело всплывающий в моей памяти, меня не устраивает.

Упрямо избавляюсь от наваждения, старательно представляя лицо мужа. Голубые глаза и морщинки вокруг них. Провожу рукой по светлым прядям. Он мурлычит, утыкаясь носом в мою ладонь. Целую его, неожиданно чувствуя шершавый язык у себя во рту. Марк не любил влажные поцелуи. Он придерживался пуританских ласк. А я никогда не просила большего.

Но сейчас я действую смелее. Поднимаю его руку, чтобы он обхватил мою грудь. Широкая ладонь накрывает выпуклость, сжимая соски между пальцами. Его голова опускается, чтобы укусить розовую горошинку. Я охаю, ведь его рот едва ли пробовал мою кожу на вкус.

Запускаю руку под воду. Ветер колыхнул мои волосы, лизнув распаренную грудь. Касаюсь пальцами клитора, нажимаю, затем двигаю по кругу. Сильнее жмуруюсь, поджимая пальцы ног.

Позволяю своей руке делать мне приятно. В голове рисуя Марка, который сегодня действует смелее и решительнее. Его губы и зубы приятно мучают грудь, плечи, ключицы. Выдыхаю стон, когда его пальцы зарывается в волосы, оттягивая голову назад, чтобы подставить мою шею своим поцелуям.

Мне мало своих пальцев. Не открывая глаз, тянусь к душевой лейке. Открываю напор, смываю мыло, провожу потоком по ложбинке между грудью, по животу, затем запускаю струи по воду, направляя туда, где от желания пульсирует клитор.

Я представляю, что это ухоженные руки Марка, но сейчас они действуют вразрез с аристократичным образом недоступного красавца. Прерывисто выдыхаю, запрокидывая голову, и выгибаю спину навстречу ласке его языка.

Высовываю ногу за борт ванны, когда становится мало места. Струя массирует половые губы, преддверие влагалища, отчего тело вибрирует. Стон вырывается из горла. Я ощущаю настойчивые мужские губы и руки. Они гладят меня, усеивая поцелуями дорожку по моей шее вниз. Дальше и дальше.

- Марк? – зову его, но мужчина не отвечает.

Язык жалит живот, обводит кругом пупок, стремясь ниже. Стоны становятся частыми. Струя душа бьёт по клитору, но я чувствую, как муж опускается между моих ног.

Рукой обхватываю голову, мужские волосы спутались и ощущались жестче, чем я их помню. Сокращаю тазовые мышцы, отчаянно желая ощутить его язык и длинные пальцы во влагалище...

И когда это происходит, резко открываю глаза, упираясь не в золотистые волосы. Под моими пальцами чёрные пряди. А взгляд мой ловят тёмные глаза с рассыпанными холодными звёздами. Шок жалит хлеще гадюки. Ветер пронизывает до дрожи, деревянные рамы ударяются о стены.

- Нет!

Дергаюсь назад, но сильные руки ловят меня за бёдра. Его рот впивается в меня, присасываясь, в то время как зубы вгрызаются в клитор, отрывая чеку у гранаты.

Оргазм накрывается меня взрывной волной. Кровь превращается в жидкую лаву. Захлебываясь, кричу в потолок, кончая. Тело судорожно бьется о стенки дорогой ванны из кварила.

И только когда дымка рассеивается, я резко сажусь, опуская руку на грудь, успокаивая сердцебиение.

Оглядываюсь, высматривая вторженца, словно он и правда мог быть здесь, притаясь в углу.

Но никого не было.

Здесь лишь я и мои фантазии о брате покойного мужа.

Глава 9

POV Ремо

Традиционная рождественская вечеринка уже началась, но моя спутница до сих пор не явила себя публике.

Пальцамидвигаю рукав пиджака вверх, чтобы посмотреть на часы. За последние пять минут я сделал так уже три раза – плохо. Я нервничаю.

На мне сегодня классический смокинг, как и на всей мужской половине гостей. Оглядываюсь по сторонам. Раньше эта обязанность принадлежала Марко. И, вероятно, оставалась последней, ещё не свалившейся на мою голову.

Даже в прошлом году он посетил мероприятие, вызвав серию слухов своей бледностью и явным отсутствием сил. Почему брат не передал её мне наравне с остальными, осталось для меня загадкой. Ответ Марко унес с собой в могилу.

Каждый год благотворительный фонд организовывал рождественскую встречу привилегированной прослойки общества. Чем больше денег в твоём кармане, тем выше шанс получить приглашение.

Семья Де Сантис долгие годы находилась в числе важных гостей. В частности, благодаря щедрым пожертвованиям в фонд на регулярной основе. Хотя Марко и посещал вечеринку каждый год, чеки подписывала моя рука.

Большой зал мог вместить не одну сотню гостей. Есть предположение, что так оно и было. Количество персон прямо пропорционально итоговой сумме сбора.

Украшение выглядело презентабельно, хотя на мой вкус слишком вычурно. С таким же успехом можно было кричать из каждого угла, что на носу рождество.

Натёртый пол отражал темный потолок, усеянный яркими звездами разных размеров. Стены облеплены снежными ветвями, обвитыми гирляндой.

На краю сцены установлен микрофон, позади которого возвышалась оформленная ель.

В самом дальнем углу расположился фуршет, у которого уже замерли услужливые официанты.

Неподалёку выставлены высокие узкие столы со стеклянными поверхностями и обмотанными подсветкой ножками для желающих перекусить или же выпить.

Но больше всего места было отведено танцевальной площадке, где планировалось веселье подвыпившей публики.

Сам дом находился за городом и принадлежал одной из семей учредителей. Внешне он напоминал наше фамильное поместье, но посещаемость была в разы выше.

- Мне наконец посчастливилось познакомиться со вторым сыном Де Сантис.

Оборачиваюсь, чтобы встретиться с самой хозяйкой благотворительной организации.

Невысокая стройная ровесница моей матери. На ней длинное лавандовое платье. Короткие волосы тщательно зачёсаны назад и щедро сдобрены гелем для надежной фиксации. В ушах и на шее переливались камушки, размером с бюджет небольшого государства.

- Добрый вечер, синьора Гатто, - здороваюсь, кивая, а когда она протягивает мне руку, склоняю голову, имитируя поцелуй.

- Вы с братом совсем не похожи, упокой господь его душу. Видимо, пошли в родню отца. Де Сантис всегда были жгучими брюнетами с колючими глазами. – Женщина хихикает, непрерывно оглядывая собравшихся гостей. – Где же ваша спутница? Я читала о вас в журнале. Мия Каналис, да? У вас такой же хороший вкус, какой был у брата. О, вот и она!

Я проследил взглядом, куда указала рука синьоры. Через высокие резные двери в зал вошла девушка в длинном шелковом платье на бретельках цвета бургунди.

Она уверенно скользила по мраморному полу, едва заметно цокая босоножками на высокой шпильке. При каждом шаге глубокий разрез, достигающий середины бедра, открывал соблазнительный вид на стройные ноги. Тёмные волосы девушки собраны на макушке, а затем позволены волнами струиться по спине, словно темной фате.

Невольно вспоминая вдову и её вуаль на похоронах. Напрягаюсь, понимая, что образ вызывает приятное тепло внизу живота.

- Эва, дорогая! – воскликнула Гатто, махнув рукой, приглашая девушку подойти к нам.

Ток спустился по позвоночнику, когда я понял, на кого направлены мои глаза, ровно как и взгляды всех присутствующих мужчин.

Вдова собственной персоной.

Только вот сейчас она выглядела иначе, чем в нашу последнюю встречу.

Девушка набрала ровно столько веса, сколько требуется, чтобы появились женские округлости, но не лишние килограммы. Её тело осталось стройным, но больше не выглядело болезненно худым. Лицо приобрело свежесть и здоровый румянец, а голубые глаза с сероватой дымкой уже не грозились вывалиться из костной впадины.

Она остановилась возле нас, моргнув длинными ресницами и едва заметно поджав вишневого цвета губы.

Ловлю себя на том, что не могу оторвать от неё глаз. Макияж удачно подчеркнул естественную красоту. Сейчас она похожа на ту счастливую невесту с портрета, обнимающую Марко...

Мысль отрезвляет. Даже пощёчина не дала бы такого эффекта.

Эва Де Сантис никогда не была моей, и никогда не будет. Но сознание упорно подкидает воспоминания, какие фантазии привели меня в постель любовницы, и о чём я думал, пока врезался в неё раз за разом всю ночь. Но даже тогда не получил должного удовлетворения, зато понял, насколько мучительным может быть воздержание.

Странно было думать об этом, когда объект моего желания стоял передо мной посреди празднично украшенного зала и любопытных людей.

Раскосые глаза останавливаются на мне, но лишь для того, чтобы выразить всю степень её недовольства от нашей встречи. Возможно, это игра моего воображения, но щёки порозовели не от румян.

Приятное покалывание опускается напрямую к паху, где тут же получает нетерпеливый и неуместный отклик. Мне нравится, что я не оставляю её равнодушной.

- Благодарю за приглашение, синьора, - приветствует вдова хозяйку.

- Я всегда тебе рада, - просияла Гатто, хватая гостью за руки. – Бедная, тебе, наверное, тяжело пришлось. Стать вдовой в столь юном возрасте. – Она сжала слегка дрогнувшие кисти девушки в знак поддержки, а меня накрыло чувство, что удаление хозяйки с мероприятия будет лучшим подарком. Её беспардонность вгоняла в ступор, хотя, впрочем, я никогда не был силен в светском общении.

- Что ж, - протянула она, не позволяя вдове освободиться, - раз почти все пришли, мы можем официально начать наш праздник!

Гатто поворачивается ко мне, несмотря на мои молитвы.

- Традиционно рождественский вечер открывает танец самых знатных семей нашей страны. – Мне уже не нравится то, что она старается объяснить. – Семья Де Сантис – одна из них. Четыре года подряд своим танцем нас радовала супружеская пара, но жизнь... - далее следует отрепетированный театральный вздох, - непредсказуема. И раз уж ваша спутница задерживается, - кивок в мою сторону, - то вы сможете открыть наш вечер танцем с вдовой своего брата. Это будет чудесно! Мы вас поддержим.

Шок отражается на лице девушки, когда смысл усваивается в ее сознании. Она судорожно втягивает воздух: паника легко читается в её движениях.

- Это исключено, - заявляет Эва. – Где твоя девушка? Я не собираюсь выполнять её обязанности.

- Ну, что ты, дорогая, - приторно смеется Гатто. – Это всего лишь танец в честь открытия сбора пожертвований. Никто не обвинит вас, кхм-кхм, в непристойном поведении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.